

НЕЗНАКОМКА

ЛЮБОВНО-КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

ИРИНА МЕЛЬНИКОВА

Небо на двоих

Ирина Александровна Мельникова

Небо на двоих

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=432912

Небо на двоих: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-45163-0

Аннотация

Жизнь редактора глянцевого журнала Ольги Богдановой рухнула – любимый муж Юра бросил ее ради смазливой секретарши! Она уже подумывала наложить на себя руки, когда подруга Любава уговорила Олю уехать в горы и там, в медвежьем углу, забыть о прошлом и найти силы жить дальше. Так Ольга попала в совсем другой мир – завораживающей красоты и настоящих мужчин. Владелец турбазы Вадим был с ней холодно-язвителен, но Оля и не планировала заводить новый роман. А вскоре она узнала: ее обвиняют... в убийстве мужа! Надо срочно вернуться домой и разобраться, что там произошло, но как это сделать без денег и документов – все пропало во время горного обвала!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	49
Глава 7	56
Глава 8	68
Глава 9	80
Глава 10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ирина Мельникова

Небо на двоих

Глава 1

От меня ушел муж. Бросил ради молоденькой секретарши. Согласитесь, ситуация – банальнее некуда. Совсем как в заурядном чиклите – чтиве современных барышень. Сотни женских романов начинаются с подобного печального события, которое вдребезги разбивает сердце героини. Я никогда не читала женские романы. Мне таких историй хватало на работе. Коллектив журнала, в котором я тружусь, в большинстве своем женский, поэтому хочешь не хочешь, а порой всякого наслушаешься, так что собственная жизнь кажется облаченной в розовую, с перламутровыми блестками рамку.

Вернее, мне это казалось раньше. А иногда я даже злилась, что моя жизнь течет размеренно, без потрясений и скандалов. И временами нарочно провоцировала своего дорогого на ссору, на что он мило улыбался и спрашивал: «Чего злишься? Котлеты подгорели? Так давай в кафе махнем. Посидим, винца выпьем, потанцуем...» Злость моя тут же улетучивалась. Я мигом собиралась, и мы направлялись куда-нибудь подальше от дома.

В общем, поссориться как следует нам не удавалось. Це-

лых пятнадцать лет! И все же муж бросил меня. Ушел к девице, которой едва исполнилось двадцать. Ушел, как уходят мужья, — неожиданно.

Если быть точной, я сама проворонила тот момент, когда нужно хватать мужей за жабры. Когда они на распутье, в раздумьях, сомнениях. Умный мужик, он, как собака, все понимает, только высказаться вовремя не умеет. И порой налаженный быт, верная жена, с которой можно поговорить о чем угодно, и, главное, кому удобно поплакаться на печальные обстоятельства, частенько перевешивают на весах упругие прелести длинноногого создания, чьи мечты горизонты не рвут и дальше модных бутиков не распространяются.

Шеф-редактор в популярном женском журнале — это вам не фунт леденцов в ярких фантиках. Частенько я брала работу на дом, и меня радовало, что Юра, не мешая мне и не отвлекая, валялся вечерами на диване, смотрел спортивные передачи. Иногда он жаловался то на боли в спине, то на тяжесть в желудке, а в последнее время — на отдышку... Эти жалобы, несомненно, успокаивают жен. И преступно расслабляют.

А расслабляться, повторяю, ни в коем случае нельзя, если дело касается мужчин, которым уже под пятьдесят и чьи желания выглядеть и чувствовать себя тридцатилетними, естественно, не совпадают с возможностями. Я же расслабилась и пропустила момент, когда муж вдруг заинтересовался своим гардеробом, купил новый одеколон и обильно обливался

им каждое утро, точно водой из ведра, как Порфирий Иванов. Затем супруг поменял прическу и стал рассуждать перед зеркалом о цвете галстуков.

Еще Юра стал отключать дома мобильник, чего раньше никогда не делал. И вообще трясся над своим сотовым, как курица над цыпленком – как бы лиса не утащила или хореk. То и дело вскрикивал, когда терял его из виду: «Где мой телефо-о-он?» А от вопросов «Зачем он тебе, если ты его отключил?» – немедленно краснел.

Но сначала он начал проводить на работе большую часть времени, словно породнился с сослуживцами и они стали для него дороже самого близкого человека. И ужинать дома прекратил, правда, от завтраков не отказывался. Видно, учел мои наставления, что негоже отпрапляться на работу с пустым желудком, и плотно насыщался тем, что я готовила, вставая на час раньше, когда Юра еще нежился в постели.

Вечерние лежания на диване, разумеется, тоже закончились. Супруг прибывал домой в лучшем случае ближе к полуночи, торопливо бежал в душ, мылся и ложился в кровать. Причем спал, повернувшись ко мне спиной, на левом боку, хотя я не раз предупреждала, что делать так не следует. Поутру же наше общение заканчивалось одной, произнесенной на бегу фразой: «Я тебе позвоню». Но не звонил. И на работу за мной перестал заезжать. Совместные ужины в кафе тоже как-то сами собой отпали. Но фразу эту почему-то упорно произносил – привычка, что ли?

Я же, как последняя дура, продолжала спокойно созерцать сии перемены. Даже объяснение им придумала: во всем виноват кризис. Мой Юра, управляющий одного очень нехилого банка, ударно финансовым катаклизмам противодействует, отсюда и задержки на работе, интенсивный труд в выходные и даже новый имидж – все-все ради процветания родного предприятия, увеличения его активов и чего-то там еще, в чем я слабо разбиралась.

Так продолжалось, наверное, месяца два. Занятость мужа никак не сказалась на моем настроении. Я активно трудилась на шеф-редакторской ниве: пахала, окучивала, боролась с сорняками и даже собирала неплохой урожай. Другими словами, отвечала за все, или почти за все: писала статьи, придумывала рекламные акции и от конкурентов отбивалась. Работы было много, о ней я думала постоянно: и перед сном, и по дороге в редакцию, и даже в магазине, куда забегала за продуктами. Тем более рекламодателей поубавилось, расходы заметно возросли, один из дизайнеров неожиданно запил, а второй вот-вот грозился уйти на летнюю сессию...

Словом, забот у меня хватало, и я не собиралась перекладывать их на чужие плечи, потому что любила эти заботы, а если жаловалась, то исключительно подруге Любаве. И то в ответ на Любанины стоны, что работа ее съедает, личная жизнь не имеет просветов, а шансов что-то изменить – ноль целых и ноль десятых.

Подруге я сочувствовала, но не слишком, потому что знала: Любава на самом деле тоже помешана на работе, а на личной жизни после четвертого по счету замужества временно поставила крест. Очередной муж не вписался в график ее работы тренером по фитнесу и занятиями этнической музыкой. Вернее, не выдержал Любавиных упражнений в горловом пении и шаманских танцев с бубном в руках.

Меня не удивляли странные увлечения подруги. Еще в школе Любава выделялась из массы одноклассников экстравагантными нарядами и прическами, гоняла на стареньком «Харлее», что едва не стоило ей золотой медали. Двадцать лет назад учителя не жаловали броских и нахальных выпускниц, являющихся к тому же натуральными блондинками. Впрочем, сейчас тоже не жалуют. Об этом я сужу по письмам, которыми забрасывают наш журнал пострадавшие от произвола педагогов девицы. Правда, я на стороне учителей, потому... Да потому, что повзрослела. А с Любовой мы выросли и умнели вместе. Она всегда была верной подругой, искренней и честной. Я же обычно выступала в роли жилетки, куда Любава могла время от времени поплакаться, зная, что ее секреты не станут достоянием общественности...

Юра тем временем купил клубную карту в престижный спортивный центр, где богатые мужики старались привести в порядок дряблые мышцы, и даже стал по утрам качать пресс. Карту я нашла на полу прихожей – видно, выпала из кармана

мужа.

– С чего вдруг? – поразились я. – Мог бы и меня пригласить!

– Так я тебя приглашал, а ты отмахнулась. – Юра смотрел на меня невинными голубыми глазами. – Даже головы не повернула от компьютера.

Мне хотелось сказать, что приглашают более настойчиво, а не бросают мимоходом фразу, которую после вспомнить невозможно, но промолчала, хотя в первый раз не поверила Юре. Я прекрасно слышала, когда ко мне обращались, в любых условиях – работа к тому приучила. Даже если бы вокруг рвались снаряды, трещали пулеметы и взрывались фугасы, предложение вместе заниматься в спортзале я встретила бы с восторгом.

Но Юра быстро усыпил мои подозрения – поцеловал меня в щеку и смущенно улыбнулся:

– Хочу войти в форму, – похлопал он себя по заметному животу. – Ты ведь не любишь рыхлых мужиков?

Вот тогда Любава и спросила меня осторожно во время очередных наших обеденных посиделок в кофейне:

– А ты уверена, что такие жертвы – ради тебя?

– Ну, почему же ради меня? – удивилась я. – Ради собственного здоровья. Сейчас модно выглядеть стройным и подтянутым.

– Что ж он раньше к этому не стремился? – допытывалась Любава. – Может, появились веские причины? На твоём ме-

сте я бы не дремала. Просмотри его телефон, карманы...

– Еще чего не хватало! – Меня передернуло от отвращения. – Я Юре доверяю.

– Смотри, скоро его на романтику пробьет... – Любава потянулась за сигаретой. – Он должен мелодрамы полюбить. Или там кошечек. Или творчество певицы Алсу. Ничего подобного не замечала?

Замечала. И у меня похолодело в груди. Месяц назад Юра ни с того ни с сего пристрастился к караоке. Я вернулась домой чуть раньше, тихонько открыла дверь – и замерла от неожиданности на пороге. Юра стоял посреди гостиной в трусах и носках и орал в микрофон: «Ты-ы-ы-ы! Теперь я знаю – ты на свете есть...»

Я не убеждена, что увлечение караоке так уж романтично. Но Любава заронила семена сомнения, и я вдруг взглянула на ситуацию с другой стороны. Тем более что мужа неожиданно прорезался голос. Нет, не певческий талант, конечно, хотя супруг частенько теперь пел караоке.

А еще начались придирки. И в минуты злости голос у Юры был даже противнее, чем при исполнении сладеньких шлягеров. Все, что бы я ни сделала, ему категорически перестало нравиться.

Он нудил, брюзжал, ворчал и доводил меня до того, что я в ответ тоже начинала говорить ему гадости.

Тогда Юра с заметно посветлевшим лицом исчезал из дома, бросив на ходу: «Я в командировку на пару-тройку дней,

а у тебя будет время подумать, в чем ты неправа». Но вскоре возникал снова – с рассеянным взглядом и букетом цветов: «Прости меня, Оленька, прости!» Муж смущенно улыбался, целовал меня в щеку и, тут же схватившись за телефон, закрывался с ним в кабинете.

Раньше я не обращала внимания на эти выкрутасы. И нашла бы им объяснение: Юра просто не желает загружать меня своими проблемами. Но слова Любавы сделали свое дело, и я принялась анализировать. За что я должна его прощать? Что за тайная вина терзала моего любимого? И терзала ли?

А потом он как-то проговорился. Спросил:

– У тебя есть хорошие конфеты? А то бухгалтерия приближает к рукам все сладости, и мне приходится постоянно их изымать для других.

– Твой секретарь не в силах дойти до магазина? – удивилась я. – Не хватало, чтобы ты из дома конфеты в кулечке таскал. Пошли ее, пусть купит. А потом положи их в сейф, подальше от бухгалтерии, если они такие настырные.

Юра промышал что-то невразумительное, а я вдруг поняла: раз он так обеспокоен неравномерным распределением сладостей в офисе, значит, он к кому-то неровно дышит. К кому? К своему заму Равилю Фаридовичу? К уборщице тете Маше? Или к секретарше Лизоньке? Как говорится, догадаться с трех раз...

Я догадалась быстро. Тем более что, принимая Лизоньку на работу, Юра кочетом заливался, расхваливая ее неза-

урядные способности. И умна, дескать, необыкновенно, и старательна, все понимает с полуслова, а уж как корректна и скромна, по сравнению с прежними его секретаршами... Я тогда поинтересовалась, как выглядит Лизонька, но муж лишь пожал плечами:

– Для меня главное – деловые качества. А внешность... Достаточно того, что она никого не напугает...

Тогда мы еще обсуждали наши проблемы и сообща их решали. Но очень скоро все прекратилось. Мой милый нашел другие уши... Правда, пребывая в любовной эйфории, головы проблемами люди не морочат, вернее, все заботы сваливаются в другую плоскость.

Озарение далось мне нелегко. Дня три я ходила как пришибленная, все валилось из рук, а на работе слова сотрудников воспринимала не сразу, смотрела на них пустыми глазами, и, не дослушав, молча уходила. Отношений с мужем я не выясняла по очень простой причине: он снова умчался в командировку. На сей раз в Сочи – проводить совещания с сотрудниками филиала и дополнительных офисов. И наверняка взял с собой Лизоньку. Как же без нее, такой внимательной и умненькой, и наверняка сногшибательно хорошенькой? Хотя в этом возрасте достаточно быть просто хорошенькой.

Я уже ни в чем не сомневалась. На пятом десятке мужики мало обращают внимания на дамские мозги и творческие задатки. Женщина средней внешности и возраста может сколь-

ко угодно мечтать о любви, говорить умности и петь ангельским голосом – внимание на нее вряд ли кто-то обратит. Все затмевают точеная фигурка, упругая попка и высокая грудь соперницы.

Кажется, Жванецкий заметил: женщины после тридцати становятся невидимыми – их словно нет. И все лучшие качества точно приписывают не им, а таким вот Лизонькам, будь у них даже куриные мозги и пэтэушное образование.

Я всегда, без тени сомнения, раздавала житейские советы, устные – Любаве, а печатные – читательницам журнала, но, став жертвой мужского коварства, растерялась. Я даже Любаве не осмелилась позвонить. Просто не представляла себя в роли плакальщицы. Считала унижительным пользоваться слезами, как оружием. И стопроцентно была уверена: излей я свои обиды подруге, та едва ли посоветует что-то путное, способное вывести меня из коллапса. Да и есть ли панацея против измены?

Глава 2

Я со страхом ждала возвращения мужа. Ведь пора было расставлять точки над «і», а я не знала, смогу ли выдержать и не сойти с ума. В недавних семейных ссорах я всегда выходила победителем и даже гордилась своим хорошо подвешенным языком. Юра предпочитал сбежать в кабинет или уткнуться в журнал... Но сейчас мне хотелось выть в голос, биться головой о стену, а вот слова, которые обязаны были сразить мужа наповал, если и всплывали в памяти, то казались бледными, неубедительными, затертыми до сального блеска...

Юра появился через неделю. Загоревший, похудевший, веселый. Он позвонил в дверь и прямо с порога произнес три самые избитые и пошлые фразы, которые, несмотря ни на что, прогремели для меня, как гром среди ясного неба:

– Оля, я полюбил другую. Прости, но я уйду. За вещами заеду позже.

Я застыла с открытым ртом. А потом с трудом выдавила из себя уже в спину коварному изменщику:

– Кто она?

– Лизонька, – оглянувшись, расплылся в улыбке муж. Глаза у него были ясными, как у птицы Феникс. – Я рассказывал тебе!

Забыв о лифте, он легко побежал по ступенькам вниз.

Почти полетел на отросших от счастья крыльях. Понес навстречу новой любви свое стокилограммовое тело в белых штанах.

– Она ж тебе в дочки годится! – прокричала я вслед.

В ответ получила набор невнятных звуков. И не поняла, то ли Юра ответ пробубнил, то ли эхо позабавилось. Равнодушное эхо, которому абсолютно наплевать, что чья-то супружеская жизнь резко пошла под откос.

У меня тряслись руки и болело под ложечкой. Я вернулась в квартиру, умылась, высморкалась, легла в постель и стала размышлять, как это – быть счастливой на пепелище своего брака? Как это – быть счастливой, когда тебя, говоря пафосно, предали? Как это – быть счастливой, когда нет сил даже зареветь? Закричать, как на похоронах, свалиться у двери и вопить, постукивая лбом по новенькому паркету: «На кого ж ты меня покинул?»...

Когда дело идет к пятидесяти, для брошенной жены остается только два выхода: сумасшедший дом или дюжина кошек. Не худший вариант – пара крохотных собачек. Кошек я любила, собачками тоже не брезговала, правда, пока на расстоянии. Даже против сумасшедшего дома ничего не имела против – по крайней мере, его пациенты не озабочены настоящим.

Но до пятидесяти надо было как-то протянуть еще пятнадцать лет, а мне казалось, что не протяну и четверти часа. Прележу вот так, глядя в потолок совсем недолго, час или

два, а затем моя душа расстанется с телом. И никто, слышите, никто не огорчится, не пожалеет, разве что Любава прольет слезы на одинокой могилке. В итоге жалкий холмик зарастет бурьяном, и только на склоне лет Юра вдруг отыщет его, прошепчет, упав перед ним на колени: «Прости, дорогая! Я всю жизнь любил только тебя, единственную и неповторимую!» Лучше бы, конечно, если б он приехал на кладбище на инвалидной коляске в сопровождении медсестры из дома престарелых...

Я представила эту картинку, и на душе стало легче. Ведь, если Юра не одумается, в развитии событий можно не сомневаться. И желательно, чтобы они развивались на моих глазах, тогда я могла бы усмехнуться в ответ на его жалобы и спросить: «А ты предполагал, что Лизонька будет вечно поддерживать твои дряхлые тела?» Затем я гордо удалилась бы, все еще красивая и уверенная в себе, под руку... С кем?

Дальше фантазия отказывалась работать, и я посмотрела на часы. Четверть часа пролетело как одно мгновение. Пора собираться на работу! И вместе с тем начинать потихоньку избавляться – избавляться от боли на вдохе и от боли на выдохе. От запаха его одеколона на подушке и от засохшего букета роз в вазе. От улыбки, которая так ему нравилась, и от его слов: «Я больше не люблю тебя».

«Держись!» – приказал разум. «Не за что!» – простучало сердце.

И тут меня снова повело не в ту сторону. Избавиться от

прошлого можно было только одним способом: исчезнуть вместе со всем этим барахлом, со всеми этими воспоминаниями, которые уже не вытравить. Исчезнуть. Просто не быть. Повеситься. Или, например, застрелиться.

Я осмотрела люстры в квартире, затем оленьи рога в прихожей и пришла к выводу, что они меня не выдержат. Застрелиться тоже не было никакой возможности – не из чего, разве что из рогатки. Да и некрасиво это – валяться на полу вперемешку с собственными мозгами. Вот вскрыть вены – более эстетично. Набрать в ванну воды, зажечь свечи, включить красивую музыку и полоснуть бритвой по запястьям... Картина представлялась восхитительной – оставленная жена, вся такая бледная, в кровавой ванне. Плюс музыка и отражение язычков пламени в зеркалах....

Спасло меня отсутствие в тот момент горячей воды. Можно было, конечно, нагреть воду в чайнике и кастрюлях. Но я представила себя потной, снующей по квартире с кастрюлями для того, чтобы скорее умереть, и мне стало смешно.

– Дура ты, Оля, полная дура! Ни один мужик не стоит того, чтобы из-за него прощаться с жизнью! – с вызовом произнесла я и шумно высморкалась в полотенце. – И пусть он сказал, что больше не любит, полюса Земли от этого ведь не поменялись, планеты не сошли с орбит, а кометы и прочая космическая дрянь непременно пролетят мимо.

Я выбросила полотенце в корзину для грязного белья и подошла к телефону, который трезвонил, не переставая, уже

с полчаса. Наверняка звонили с работы.

– Ольга Михайловна! – услышала я голос главного редактора. – Мне подкинули интересную идею... Не могли бы вы подскочить пораньше?

– Не могу, – произнесла я через силу. – У меня голова раскалывается. Что будет, если ваша идея отлежится с денек?

– Ничего, ничего страшного, – ответила главред с несвойственной ей суетливостью. – Отдохните, подлечитесь, а завтра, если вы не против, все обговорим. Главное, измерьте давление...

– Спасибо, я измерю.

Простившись с начальницей, я положила трубку. Оглядевшись по сторонам, поняла, что мне совсем не хочется заниматься уборкой. И завтракать не хочется. И вообще хочется снова броситься на кровать и уткнуться носом в подушку. Это было первым признаком депрессии, которую я никак не могла себе позволить. Тогда я принялась бродить по огромной квартире, бесцельно, из комнаты в комнату. Но везде натыкалась на Юрины вещи. Тренажер в спальне, очки на недочитанной книге в кабинете, галстук, небрежно брошенный на спинку дивана в гостиной, старенькие тапочки в прихожей, трубка со сломанным мундштуком на каминной полке... Все, буквально все в доме напоминало мне о муже.

Я подошла к большому окну. При строительстве квартиры именно я заказала панорамное остекление. И после на пару с Юрой частенько любовалась закатами над Москвой-рекой

и видами столицы чуть ли не с высоты птичьего полета.

Некоторое время я бездумно созерцала зависшую над городом серую дымку. Начало апреля, но весна не торопилась – то дождь, то просто сырость невозможная. Почки на деревьях набухли, но раскрываться не спешили, как будто ждали новых холодов.

– Мерзость! Мерзость какая! – простонала я и уткнулась лбом в стекло. Понятное дело, слова относились не к погоде, а к поступку мужа.

Почему я упустила момент «открыть ему глаза»? Почему не вправила мозги, как советовала Любава? Почему не спросила: «Где была твоя Лизонька, когда ты разорился в дефолт? Когда ты чуть не продал дачу, чтобы элементарно выжить?» Почему не усмехнулась: «Милый, ты уверен, что эта девочка в восторге от твоей отдышки в постели?» Он же был умным, мой Юра. Очень разборчивым в людях. Сухарем и педантом! Но что вообще можно спросить у мужчины, который готов бросить все, разрушить свой кров и хлопнуть дверью по руке жены, вцепившейся в косяк? Бросить ради того только, чтобы день и ночь слышать юный голосок: «О, ты мой идеал! Мой мачо и мой ковбой!»...

Тренькнул телефон: пришла эсэмэска.

«Завтра я подам на развод, – прочитала я торопливые, с пропущенными буквами, слова. – Будь готова!» И все, даже по имени не назвал, не говоря уж о «милая» или «дорогая», как бывало раньше.

«Что ж он так торопится?» Первым желанием было перезвонить, наговорить ему кучу гадостей. Но я сдержалась и, стиснув зубы, ответила: «Всегда готова!»

А затем позвонила Любаве. Та поняла с полуслова.

– Еду! – коротко бросила в трубку подруга и отключила телефон.

* * *

Через час Любава сидела напротив меня за кухонным столом. Как всегда она выглядела потрясающе. В узких, обтягивающих длинные ноги, черных кожаных брючках и в такой же куртке, усыпанной значками с говорящими надписями типа: «Мужики, я свободна!» и «Я – сука, и горжусь этим!» Закинув ногу на ногу, она курила и пыталась внушить мне, почему одинокая женщина должна быть не просто стервой, а сукой, чтобы не потерять себя в недружелюбном мире.

– Пойми, – вещала Любава, – сейчас не модно быть интеллигентной. Все хотят секса, и только секса, а интеллигентность для женщины – синоним непривлекательности. Надо быть раскованной, забыть о комплексах, и мужики будут виться вокруг тебя, как мухи.

– Не нужны мне мухи, – вяло упиралась я. – Терпеть не могу этих... как их... пикаперов! Липнут, чтобы переспать с тобой, а потом навеки исчезнуть.

– А чем пикаперы плохи? Ты ж не пробовала, – усмеха-

лась Любава. – Проще надо быть! Зачем тебе какие-то обязательства?

– О чем ты говоришь? Посоветуй еще на панель выйти!

– Вот дура! – От негодования Любава сломала сигарету. – Нет, у меня просто в голове не укладывается! Старый, толстый козел, почти лысый, и такое сотворить с красивой и умной женщиной... Ни капельки не сомневаюсь: покажи этой девице эскимо на палочке – обрадуется. Потому как слаще репы ничего не пробовала. Через пару месяцев он это поймет и запросится обратно!

– Не запросится, – не сдавалась я. – Он знает, что я его не прощу.

– И не прощай! Заставляют тебя, что ли? Я говорю: не впадай в истерику. Поехали по магазинам! Купи кучу нарядов, сделай новую стрижку. И от мужиков отбоя не будет, я тебя уверяю.

– Какие мужики? – рассердилась я. – Я еще с мужем не развелась!

– Но я другому отдана, и буду век ему верна... Тьфу на тебя! – Любава непечатно выругалась и тут же утешила. – Ничего, с его деньгами он развод за три дня организует. Детей у вас нет, так что проблем не будет.

– Почему я не родила? – Я всхлипнула и допила коньяк, который Любава уже в третий раз подлила в мою рюмку. – Зачем Юру слушалась? Он все говорил: «Рано! Рано!»...

– Так у него же есть дети. Сама говорила: живут с первой

женой в Америке.

– Живут, – вздохнула я. – Уже и внук есть. Два года.

– Ну, теперь с Лизкой детенка смастерят... – сказала Любава и осеклась, заметив, видно, что мне от ее слов стало еще хуже.

Подруга погладила меня по руке и виновато заглянула в глаза.

– Ну, что ты? Что ты? Это ж понятно! Зачем ему тогда торопиться с разводом? А тебе нужно о себе думать. Какие твои годы? Еще и замуж выйдешь, и ребеночка родишь. Сейчас тетки и в пятьдесят рожают!

– Ты-то вон родила?

Я не выдержала все-таки и расплакалась. И Любава, сильная, смелая Любава, вдруг тоже скривилась, и слезы потекли у нее потоком, размывая тушь на ресницах и тональную пудру на щеках...

Глава 3

Прошел без малого месяц. Теперь я была свободной женщиной, но никак не могла привыкнуть к новому состоянию. Развод действительно оформили быстро. Любава оказалась права: Юра сумел подсуетиться. И все обставил так, что мы даже не перебросились парой слов во время процесса. А за вещами он так и не приехал. Видно, любимый поменял не только устаревшую версию жены на молодую и красивую, но и полностью обновил свой гардероб.

Поначалу я шарахалась от каждого мужчины, который чем-то смахивал на Юру. Даже получила по лбу тяжелой дверью, когда пыталась убежать от человека, который показался похожим на бывшего мужа: мелькнуло знакомое лицо, я охнула, рванула, не глядя, в сторону, и – бабах! – здравствуй, метрополитен. Мне даже в голову не пришло, что Юра уже лет двадцать не пользовался подземкой. Но отчего я бежала? Наверное, от информации, которая могла меня как-то задеть. Хорошо у него идут дела или плохо – это все равно цапнуло бы меня.

И стишки некстати вспомнила, которые еще на первом курсе знала наизусть.

Не встречайтесь с первой любовью,
Пусть она останется такой —

Острым счастьем или острой болью,
Или песней, смолкшей за рекой...

Но лирика эта, наверное, лишь для первокурсников и годилась. Когда у тебя груз воспоминаний весом в полтора десятка лет, очень трудно сделать вид, что ничего страшного не случилось. Сначала я подолгу стояла вечерами у окна и мучительно вглядывалась в машины, въезжавшие на автостоянку перед домом. Мне казалось, что угар вот-вот пройдет, и Юра вернется. Ведь он так любил меня когда-то, так красиво ухаживал...

В журнале быстро узнали о моем разводе. Расспрашивать не расспрашивали, но я то и дело натыкалась на сочувствующие взгляды. К тому же Юра вдруг полностью поменял стиль жизни. Его имя стало мелькать в светской хронике, а фотографии с молодой женой появились на страницах газет и глянцевого журналов, но первым делом – в Интернете.

Уже через неделю или две после ухода мужа я обнаружила на своем столе в редакции кем-то заботливо подложенную газетенку с огромной фотографией на первой полосе. Тогда я впервые увидела Лизоньку. Спазм стиснул горло. Я закашлялась и, скомкав газету, швырнула ее в корзину для мусора. Моя соперница была чудо как хороша в сногшибательном платье от кутюр.

Лично я при росте метр семьдесят пять стеснялась носить каблуки, потому что была одного роста с мужем. Но

Лизоньку это, похоже, не волновало. Юра смотрелся рядом с ней, как крепенький корнишон в паре с длинным тепличным огурцом, и хотя головой едва доставал до ее плеча, как ни в чем не бывало обнимал молоденькую пассию за талию. А Лизонька тарасила и без того огромные глаза в камеру и профессионально, ну точь-в-точь американская кинодива, улыбалась.

Вечером я снова плакала навзрыд. Но затем привыкла и к фотографиям, и к восторженным статейкам, тем более знала им цену – все они, несомненно, оплачивались из кармана мужа. Лизонька рвалась в светские львицы. И ясное дело: такой олух, как Юра, лишь первая ступенька на пути девицы в высшее общество.

Продолжая шарахаться от каждого мужчины, хоть чем-то похожего на бывшего мужа, я, вероятно, надеялась, что со временем остатки чувств исчезнут и мне действительно станет все равно. А может, и не в чувствах было дело? Скорее всего, мне хотелось сохранить неизменным то, что когда-то было. Чтобы Юра навсегда остался в январе десятилетней давности – красивый, веселый, розовощекий, стоявший по колено в снегах Домбая и улыбавшийся моей фотовспышке.

Мне незачем знать о его нынешней страсти! Меня не должны интересовать его новые победы и поражения! Не надо свежих сюжетов. Это все равно что смотреть «Иронию судьбы-2» или «Возвращение мушкетеров» – одно расстройство.

Вот я и бежала от всего этого. В работу, в пустую квартиру, в метро, где сновали люди и никто не обращал на меня внимания. Бежала, куда угодно, лишь бы не испортить бессмысленными кадрами счастливые воспоминания. Настолько они, оказывается, были дороги для меня.

С Любавой мы только перезванивались. Я отказывалась от ее предложений посидеть в кафе или сходить на вечеринку. Я категорически отвергала ночные клубы и знакомства с молодыми людьми. Мне казалось кощунством веселиться на еще не остывшем пепелище своей любви. Но Любава этого не понимала. И однажды явилась ко мне под вечер в пятницу, решительно настроившись вытащить меня в выходные на дачу к какому-то своему приятелю. Но у меня к тому времени появилась уважительная причина. И мой отказ не выглядел неубедительным. У меня прибавилась наконец еще одна, но приятная забота – курчавый щенок. Карликовый пудель Дарри, или попросту Дарька. Щенок возился на кухне возле миски с едой, а затем уснул рядом, на коврике.

– Возьми его с собой, – продолжала уговоры Любава. И, не сдержавшись, укорила: – Зачем он тебе? Совсем к дому привяжет!

– А мне как-то наплевать, – отмахнулась я. – Зато есть живое существо, с которым я могу поговорить. А как он радуется, когда я прихожу с работы! Правда, шкодничает, сгрыз мои тапки, но зато никогда меня не предаст.

– Ты – больная, – с сожалением произнесла Любава и по-

крутила пальцем у виска. – На даче такие мужики соберутся! Не чета твоему банкиру! Что ты хоронишь себя? Смотри, лето уже! Так и будешь в четырех стенах чахнуть? Хотя бы на дачу к себе съездила. И я с тобой! – Подруга со вкусом потянулась. – В баньке бы попарились...

– Какая дача? – вскинулась я. – Как ты думаешь, где он сейчас живет со своей девахой?

Любава хмыкнула и покачала головой:

– Слава богу, тебе квартиру оставил, а ведь мог в три шеи погнать.

– Я не обольщаюсь, – поморщилась я от неприятной мне темы. – Она только наполовину моя. Да и лучше было бы, наверное, обменять ее на меньшую. Эти апартаменты мне не по карману. А дача и вовсе записана на Юру, поэтому там мне ничего не светит. Он ведь купил ее еще до нашей свадьбы.

Мне стало вдруг тоскливо-тоскливо. Я выглянула в окно. В небе летел воздушный шарик, разноцветный, как радуга. И каким ветром его занесло на высоту шестнадцатого этажа?

– Знаешь, я куда-нибудь уехала бы на пару месяцев, – вырвалось у меня неожиданно. – В глушь несусветную, где ни телефона, ни телевизора, ни Интернета... Так, чтобы никто не нашел, не позвонил... Понимаешь, мне нужно отказаться на время от всего: от квартиры, фотографий, разговоров за спиной... Я должна уехать, чтобы вернуться новым человеком. А для этого мне нужны новые люди, новый мир, где

меня никто не знает.

– Н-а... – Любава смерила меня задумчивым взглядом. – Я понимаю. Заграничные курорты не пойдут, там обязательно встретишь того, кого бы век не видел. Да и не думаю я, что ты кинешься во все тяжкие.

– Нет, курорты отпадают однозначно. Тишины хочу, речки с чистой водой, по лесу побродить...

– Вот-вот! – радостно оживилась Любава. – Есть такое место! На бывшем юге нашей Родины. Леса, озера, горы до неба, а глушь такая – мама, не горюй! Чисто медвежий угол! Брат у меня там, двоюродный. В отшельники подался – на пенсию вышел и забрался в ту дыру. Дом построил, баньку. А для гостей у него – отдельная избенка. И ведь едут в его захолустье.

– Вот, а говоришь отшельник. Значит, и там будут люди.

– Без людей тоже нельзя. Одичаешь! Он летом туристов принимает. Зарабатывать на жизнь как-то надо? Места там красивые, охота, рыбалка. А из связи только спутниковый телефон. Хочешь, я сегодня с ним свяжусь? Думаю, договоримся. Заплатишь ему немного, и – живи на здоровье. Он у нас в принципе не жадный.

– Но там, в горах, наверное, холодно. А в лесу комары. Я слышала, на юге они переносят малярию.

– Нет сейчас никакой малярии, ликвидировали! – успокоила меня Любава авторитетным голосом. – А комары есть, наверное, везде. От комаров же репелленты всякие имеются.

А потом в жару, в городе... пыль, духота, пробки... Учти, я скоро умотаю в Испанию. Так что решай: или покупай путевку и – в дальние страны, или к Вадиму в горы.

– К Вадиму? – переспросила я. – А отчество у него есть?

– Есть. – Веселые огоньки блеснули и пропали в глазах Любавы. – Как же без отчества? Вадим Борисович Добров. Ну, что, звонить ему?

– Я подумаю, – вздохнула я. И подлила Любаве чайку.

Все-таки страшновато ехать куда-то за тридевять земель. А как поступить с Дарькой? Можно ли его взять с собой? И брат этот... Даже если мужик на пенсии, где гарантия, что он не станет приставать ко мне? Тем более, если живет один.

– Ухаживать не будет, зуб даю, – твердо сказала Любава, угадав мои мысли. – Я уж позабочусь. Но и без того он не стал бы за тобой волочиться. Хотя и не женат, но человек серьезный.

– А почему тогда не женат? – осторожно поинтересовалась я.

– В том-то и дело! – покачала головой Любава. – Погибла у него жена вместе с сыном. На машине разбились, пять лет назад. После этого он и на пенсию ушел, и в глушь забрался. Однолюб он у нас, не то что я. Очень строгий мужчина. Будешь сама по себе, но если что-то понадобится, то не стесняйся, Вадим поможет.

Я пожала плечами. И вдруг вправду захотелось уехать далеко-далеко, за широкие реки, за высокие горы, чтобы про-

шлое осталось лишь темным пятном за плечами, таким рюкзаком, который я попыталась бы сбросить, чтобы вступить в будущую жизнь с просветленной душой и чистыми помыслами...

– Хорошо, позвони ему. О Дарьке не забудь спросить. А то мужики обычно терпеть не могут маленьких собачек.

– Ну, и молодчина! – обрадовалась Любава. – Я бы от тебя прямо сейчас с ним связалась, но не помню номер телефона, он у меня в компьютере. Я тебе сразу перезвоню, когда с братом обо всем договорюсь. А ты прикинь пока, что с собой возьмешь и на какое число билеты закажешь. Лучше до Адлера лететь самолетом. А там тебя Вадим встретит на машине.

– До Адлера? – удивилась я. – Он разве в Сочи живет?

– Бери южнее, подруга, – самодовольно усмехнулась Любава. – В самом сердце Абхазии. Это тебе не баран чихнул, а вполне настоящая заграница. «Ах, море в Гаграх...» – дурашливо вылупив глаза, пропела она. И тут же абсолютно серьезно добавила: – Но загранпаспорт там вроде не нужен. Я уточню, но ты и сама посмотри в Интернете. Отзывы отдыхающих, то, се...

Глядя на подругу, чьи глаза горели неподдельной заботой, я подумала, что Любава говорит о моей поездке, как о деле решенном. Впрочем, в душе я уже согласилась. Дело было за строгим Вадимом Борисовичем. Меня даже неизвестная Абхазия не страшила. Еще не видя брата Любавы, я почему-то

уже побаивалась его. «Но, может, и к лучшему», – подумала я и, подхватив Дарьку на руки, вышла в прихожую проводить мою чрезвычайно активную подругу.

– В конце концов, возьму пса к себе, – Любава потрепала пуделька за хохолок на затылке и подмигнула. – Чтоб ничто не отвлекало тебя от погружения в природу.

Я весело хмыкнула в ответ.

– Тебе так хочется сплавить меня диким горцам на терзание?

– Ну, может, и не растерзают тебя горцы, а здесь ты точно сожрешь саму себя, – ворчливо заметила Любава и чмокнула меня в щеку. – Ну, бывай, подруга! Жди звонка.

– А что мне остается? – Я слабо махнула ей рукой.

Странное чувство поселилось у меня в груди. Предчувствие, не предчувствие, но от него меня потряхивало, как от озноба. Закрыв за Любавой дверь, я закуталась в шаль, прижала к себе Дарьку и подошла к окну. Багровое солнце садилось в черную тучу, похожую на огромного зубастого крокодила... Пожар полыхал на небе, и редкие тучки казались угольками в пламени костра. Я вдруг представила и этот костер, запускающий столб искр в черное небо, и яркие звезды над головой, и груду хвороста рядом, и запах мокрой земли, и хвои... И высокого угрюмого старика представила, с белой, как лен, бородой... Сказку представила, в которой мне вдруг очень-очень захотелось очутиться.

Тогда я разожгла камин, села на пол и, не спуская задре-

мавшего Дарьку с колен, долго-долго смотрела на огонь. Мне было тепло и хорошо. И впервые за последние месяцы спокойно.

Глава 4

Любава оказалась расторопной. Она в два дня не только договорилась с братом, но и купила билет на самолет. Мне осталось лишь уладить текущие дела на работе и написать заявление на отпуск. Но главный редактор подписала его мгновенно, даже не слишком рассердилась, когда я попросила месяц в придачу без содержания. Я ведь прекрасно понимала, чего ей это стоило: слишком много было на шеф-редакторе завязано.

– Ох, как я тебе сочувствую, – пригорюнилась начальница, когда мы выкроили несколько минут, чтобы выпить по чашке кофе с коньяком. – Конечно, мой Константин от меня не уходил, но я-то... – Она воздела очи горе и затянулась сигаретой. – Я-то два раза от него бегала... Но возвращалась. И знаешь, как трудно было поначалу. Но сейчас от кого бегать?

Она вздохнула и перевела взгляд на фотографию двух девочек-близняшек, стоявшую на ее столе.

– Вон каких красавиц родили. Теперь на ноги надо поднимать. Учить, воспитывать... – И, потушив сигарету о дно пепельницы, начальница деловито посоветовала: – Тебе родить надо непременно. Как только твой Юра вернется, никого не слушай, беременей незамедлительно.

– Он не вернется, – покачала я головой. – Даже если его будут там резать пилой, Юра сбежит, но ко мне не вернется.

Гордый он, унижаться не будет.

— Да не гордый, а тебя боится, — отмахнулась главред. — Ты ж как посмотришь своими глазищами, как губы скривишь, кого только мороз по коже не продирает!

Я чуть не подавилась кофе от такого заявления. Надо же, как все запущено! Я, оказывается, не только родной коллектив запугала, но и бывший муж, получается, от страха бросился в объятия смазливой секретарши.

Об этом я рассуждала всю дорогу домой. Да, я была принципиальной. Да, не любила лентяев, потому что сама пахала, как вол. Что еще? Никогда не сплетничала и, если что-то не нравилось, не юлила, а высказывала претензии прямо, глядя в глаза... Не врала, перед начальством не лебезила... Любви сотрудников не искала, панибратства не допускала... И что получила взамен? Узнала, что в коллективе меня не уважают, а элементарно боятся. И наверняка обрадуются, что шеф-редактор наконец-то свалила в отпуск.

Я пыталась убедить себя, что мне это безразлично, и все же, все же... Настроение испортилось. К тому же огорчило известие, что с Дарькой придется расстаться. Вадим Борисович был не против моего приезда, но категорически запретил брать с собой собаку. Любава сообщила, что он не возьмет на себя ответственность за жизнь моего щенка, потому что в хозяйстве у него не то четыре, не то пять охотничьих собак да пара сторожевых овчаров.

Я представила такую свору, и мне вмиг расхотелось ехать.

Но Любава сердито прикрикнула на меня и объяснила, что овчарки у него на цепи, а охотничьи живут в вольере. Просто Вадим, как бывалый собачник, знает, насколько вездесущи и проказливы щенки, особенно карликового пуделя. «Они ж, как крысы, – якобы сказал Вадим Борисович, – в любую щель пролезут».

Сравнение с крысой мне очень не понравилось, но резон в его словах был. Дарька и впрямь оказался пронырливым и игривым щенком. Не дай бог, полезет брататься к овчаркам. Так что скрепя сердце я согласилась оставить своего питомца у Любавы, которая неожиданно восприняла это с энтузиазмом и даже поклялась воспитать из него образцовую собаку к моему возвращению. В чем я лично сильно сомневалась.

Любава забрала Дарьку накануне отъезда, а рано утром обещала подбросить меня в аэропорт. Вещи были собраны еще два дня назад. Я терпеть не могла авралов, и потому подошла к этому делу со всей ответственностью и на полном серьезе, большая сумка на колесиках дожидалась в прихожей. Для всякой мелочи сгодился саквояж. Его я решила взять с собой в салон самолета. Проверила билеты, банковскую карту, наличные деньги, документы. Они уместились в сумку поменьше, которую я повешу на плечо. Кажется, все!

Я присела на диван, и еще раз пробежала глазами список вещей. Нет, вроде ничего не забыла. Теплые вещи – свитера, носки, шапочка уложены. Две пары кроссовок, водонепроницаемая куртка, ветровка, джинсы, даже резиновые са-

поги не забыла. На них настояла Любава. Что там еще? Белье, спортивный костюм, шорты и легкие сандалии... Жара в Абхазии, по словам Любавы, уже в конце мая доходит до сорока градусов. На всякий случай я захватила купальник и крем для загара. Может, получится выбраться на море, поплавать, позагорать... Не торчать же все время в горах!

В Интернете я нашла отзывы туристов об Абхазии и очень удивилась тому, что совсем недавно там шли кровопролитные бои. Народ отстаивал свою независимость. Народ не хотел входить в состав Грузии.

Честно говоря, об Абхазии я знала не больше, чем, к примеру, о Танзании или Республике Чад. Так уж получилось, что никогда там не отдыхала, ни с одним абхазом знакома не была. Зато, по доброй российской традиции, испытывала слабость к Грузии, на холмах которой лежит ночная мгла, дружила с грузинами – одноклассниками и однокурсниками, восхищалась их поэтами, актерами, певцами. А любовь Александра Грибоедова к юной грузинской княжне? Какая трогательная и романтическая история! А «Мимино»? Кто из нас не напевал песенку: *«Что гврито, что маргалито да...»*

А грузинские вина, чьи названия, как музыка, ласкали слух: «Хванчкара», «Ахашени», «Оджалешви», «Вазисубани», «Ртвели»... Но самый большой спрос в советские времена был, конечно, на «Киндзмараули» – возможно, потому, что оно считалось любимым вином Сталина.

Помню, как лет пять-шесть назад меня пригласили на дегустацию грузинских вин. Тонкие бокалы с вином, налитым чуть выше донышка, играли, как драгоценные камни. Одни отливали золотом, другие таинственно поблескивали рубиновой гранью, третьи будто отбрасывали розоватый луч утренней зари. Зал ресторана наполнял пряный аромат мягких грузинских сыров, смешанный с запахом свежеспеченного хлеба – чуреков.

Первым делом нас предупредили: в Грузии вино пьют совсем не так, как в России. Им запивают пищу – закусывать вино, подобно водке, считается кощунством. Такой способ питания определяет грузинская кухня – пряная и острая, щедро приправленная жгучим красным перцем. А справиться с этим «пожаром», как мы убедились, под силу только хорошему вину. Словом, я любила Грузию по книгам и фильмам, слушая ее музыку и попивая ее вино, и меня совсем не смущал рассказ деда, служившего в Грузии в конце тридцатых годов. В город офицеры выходили только вдвоем и держались середины дороги. Под домами ходить было нельзя: сбрасывали цветочные горшки на голову, помоями обливали... Но бойцами грузины были отменными, этого дед не отрицал. Поэтому меня крайне удивили рассказы о жестокости, с которой грузинское правительство пыталось вернуть Абхазию в свои объятия.

Но в Абхазии война давно закончилась. В целом, несмотря на разруху и бедность, отзывы об отдыхе в тех благосло-

венных краях — мечте советского отпускника, были неплохими, цены умеренными, а кое-где просто смешными.

Конечно, я не обольщалась, что горы встретят меня прекрасной погодой, но надеялась, что не будет хотя бы дождей. В Москве лето еще не наступило, но дня три уже стояла такая жара, что в редакции приходилось включать кондиционеры.

Я подошла к окну. В последнее время это вошло в привычку. Шел девятый час утра. Юра, несомненно, был уже на работе. Но, тем не менее, я бросила взгляд на автостоянку и ахнула от неожиданности. Знакомый серебристый внедорожник стоял под окнами. Из него вышел Юра, что-то сказал охраннику...

Глава 5

Я на рысях бросилась к зеркалу, пригладила ладонью волосы, схватилась за помаду, затем провела пуховкой по лбу и щекам. От волнения на лице выступили капельки пота. Все это время я прислушивалась, не раздастся ли шум лифта? У меня дрожали руки, и чтобы унять эту дрожь, я схватилась за книгу Стига Ларссона, которая с месяц пролежала на тумбочке в прихожей.

Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем раздался звонок. Я перевела дыхание, бросила быстрый взгляд в зеркало и открыла дверь. Я не ошиблась – на пороге стоял Юра. Помолодевший, постройневший, в новом светлом костюме и сиреневой сорочке. Все это стоило уйму денег, тут уж я не могла ошибиться. Так же, как и в оценке новых туфель. Тысячи две долларов...

Я немного удивилась: Юра никогда не был скаредой, но и не превращал одежду в фетиш, но тут мое внимание переключилось на другой объект, который находился за спиной бывшего мужа. Очень молодой и очень хорошенький объект, если так можно назвать высокую и стройную девушку в джинсах и короткой маечке. И даже не видя ее на фотографиях, я бы мигом догадалась, кто такая эта неземная красота, возникшая в проеме дверей с надменной улыбкой на пухлых губах.

Юра прибыл не один. В сопровождении Лизоньки. То ли боялся встречаться с бывшей женой в одиночку, то ли решил добить меня окончательно. В принципе, Лизонька была одета очень скромно, но эта скромность обошлась Юре тоже в немалые деньги. Одни джинсы, наверно, стоили дороже, чем весь новенький прикид мужа. Но не молодость и не красота соперницы сразили меня окончательно.

Лизонька, нисколько не стесняясь, энергично двигала челюстями, с отстраненным видом выдувала пузыри из жвачки, словно ничего, кроме липких пузырей, ее не интересовало. Но, вернее всего, больше одной мысли в хорошенькой головке девушки не задерживалось.

Схватившись за дверную ручку, я застыла на пороге.

– Может, пустишь нас в дом? – скривившись, спросил бывший муж.

И, отодвинув меня в сторону, вошел в квартиру. Следом продефилировала Лизонька.

Тут я, наконец, опомнилась.

– Что происходит? – спросила я высокомерно. – Я пока здесь живу!

– Вот именно, пока! – прыснула Лизонька.

Огромный пузырь лопнул и прилип к ее губам.

– погоди, дорогая! – Юра ласково коснулся ее руки. И перевел взгляд на меня. – Нужно кое-что обсудить. – И кивнул на вещи в прихожей. – В отпуск уезжаешь? Я вчера в журнал звонил, сказали, что ты взяла очередной...

– Уезжаю, – сухо ответила я, хотя мне очень хотелось врезать Лизоньке по губам, а Юре – по уху.

Но я лишь обошла парочку по дуге и присела на диван.

– Что за дела? И так ли нужно было тащить сюда эту...

Я смерила презрительным взглядом Лизоньку. Но девица – ноль внимания на меня и мой тон – устроилась в кресле напротив и закинула ногу на ногу. И взгляд ее был по-прежнему безмятежным, а жвачка, видно, нескончаемой. Вместо ответа она снова выдула огромный пузырь и со звонким чмоком втянула его в рот.

– Лизонька – моя жена, – с нежностью произнес Юра и посмотрел на нее с неприкрытым обожанием, а затем перевел взгляд на меня, – так что придержи язык!

Я задохнулась от негодования, но взяла себя в руки. И посмотрела на часы.

– Говори, что тебе нужно? Через полчаса за мной заедет машина.

– Понимаешь, – Юра присел на подлокотник кресла и обнял Лизоньку за плечи, – эта квартира слишком большая для тебя. Я вот подумал... У Лизоньки есть квартира, трехкомнатная, правда, не в центре... То есть квартира моя...

Бывший муж стушевался и отвел взгляд.

– Ты ее купил, когда она стала твоей любовницей? – Сердце забило быстро-быстро от обиды и унижения. – Любовное гнездышко, так сказать?

– Теперь детали не имеют значения! – быстро сориенти-

ровался Юра. – Если ты откажешься от доли в этой квартире, я перепишу ту квартиру на тебя. В смысле, оформим дарственные. Ты – мне, я – тебе.

– Как далеко от центра та квартира? – вежливо осведомилась я, не ожидая от предложения ничего хорошего.

– Новостройка, элитка. Метро «Октябрьское поле», – быстро ответил бывший муж. – Но у тебя есть машина...

– Конечно, есть, но ты ведь знаешь, я редко езжу из-за пробок. Предпочитаю добираться на метро.

– Ну, это твои проблемы, – насупился Юра. – В принципе, до метро там две минуты ходьбы.

– Но отсюда я добирюсь до работы за полчаса, а оттуда с пересадками понадобится часа два. – Я продолжала упорствовать, хотя понимала, что все мои доводы напрасны.

– Что ты предлагаешь? – нахмурился Юра. – Разменивать эту квартиру я не собираюсь.

– Похоже, на мои интересы тебе наплевать? – Я встала. – Ладно! Мне пора собираться. Давай обсудим этот вопрос после моего возвращения.

– Куда ты собралась? – поинтересовался Юра.

– На кудыкину гору. – Мне вдруг стало весело. – Вернусь месяца через два, тогда и поговорим.

– Она ж над нами издевается! – неожиданно подскочила на кресле Лизонька. – Она из тебя веревки вьет! – Затем девица окрысилась уже на меня. – Ты, чувырла лохматая! Подписывай документы, кому говорят! А то вообще на улицу

вышвырнем!

Я опешила, но тут же пришла в себя.

— Юра, уйми свою жену, — произнесла я с расстановкой. — Я пока здесь хозяйка и имею полное право выставить хамку за дверь.

— Я — хамка? — завопила, как резаная, Лизонька. Лицо ее побагровело. — Да я... Да я тебе...

— Где ты ее откопал? — усмехнулась я, потому что видела: Юре реально стыдно за базарный тон юной супруги. — Небось торговала селедкой на рынке? Других версий у меня нет.

— А ты умная, умная, да? — орала Лизонка: — Посмотри, на кого ты похожа? Да на тебя ж нормальный мужик посмотрит, испугается!

Я определенно могла поспорить насчет «испугается». Нормальные мужики, совсем не слюнтая, как Юра, на меня заглядывались постоянно. Другое дело, что я их близко не подпускала. Но я ничего не собиралась доказывать девице, чье сознание наверняка сформировалось под влиянием «Дома-2» и пошлых ситкомов.

— Оля, ты же старше, — с укором посмотрел на меня бывший муж. — Она ж еще девчонка.

— Ну да, девчонка. — Я ехидно прищурилась. — А ты по возрасту ей в папы годишься. Или почти в дедушки. Впрочем, твой выбор. Только я считала тебя умнее. Ты ведь финансист. Не просчитывал, кому этот брак выгоднее?

– Я люблю Юру! – снова завопила Лизонька. – А ты его совсем запустила. Только о себе и думала. – И обняв Юру за плечи, чмокнула его в щеку. – Хорошенький мой, сладенький! Ведь она тебя загноила совсем, замучила? – И вдруг, резко сменив тон, деловито сообщила: – Я сейчас вернусь! Но пусть она тебя только тронет!

Воинственно выставив подбородок, Лизонька фыркнула, дернула плечиком в мою сторону и, подхватив рыжую, в цвет своих волос, смахивающую на торбу сумку, выскочила в прихожую, вероятно, подправить поплывшую на ресницах тушь.

Я остолбенела. Выпады Лизоньки меня не расстроили. Что с нее возьмешь, с девчонки с куриными мозгами? Но Юра-то, Юра... Нет, каков негодяй! Как он смел рассказывать гадости? Гадости обо мне, которая все положила на алтарь семейной жизни! Пятнадцать лет выплясывала перед ним, угождала... Кормила, стирала, гладила... В постели бревном не лежала и на головные боли не жаловалась, хотя уставала за день до чертиков... И вот, получила! А я еще надеялась на его возвращение... Плакала, умереть хотела...

Но как кстати оказалась бы моя смерть для этих двоих! Ну, нет, не дождетесь! Я гордо выпрямилась и смирила бывшего мужа презрительным взглядом. Никаких больше слез, уж будьте уверены! И Юре навечно закрыта дорога в мое сердце. Перегорожена забором в два бревна толщиной, а сверху усилена колючей проволокой. Все, пора поставить точку в разговоре. И, мило улыбнувшись, я ее поставила.

– Юра, – сказала я, – измена не бывает безобидной, не обманывай себя. Ты об этом узнаешь, когда изменят тебе. Но, может, ты станешь счастливее, когда постарайшься сделать счастливой одну-единственную женщину. Попробуй хоть раз. Это так по-человечески. Двоих ты не осилил. И слава богу! А то я так бы и считала тебя порядочным человеком.

И направилась в прихожую.

– Ты куда? – бросился за мной Юра.

– Я ведь сказала, что уезжаю, – напонила я и сняла с вешалки куртку.

– Но мы ж ничего не решили! – Юра схватил меня за руку. – погоди! Подпиши документы. Я даже согласен переехать сюда после твоего возвращения.

– В спешке никаких документов подписывать не буду, – отрезала я и выдернула руку из пальцев, сжавших мое запястье. – Только при свидетелях и у нотариуса. А сначала – я проведу помадой по губам, – я посмотрю квартиру. Затем ты оформишь дарственную, если мне та квартира понравится...

Из ванной появилась Лизонька.

– Что ты ее слушаешь? – Ее лицо исказилось, и мне показалось, что Лизонька вот-вот вцепится мне в волосы. – Она ж тебя разводит! На деньги! Заплати ей, пусть она уберется поскорее!

Лиза плаксиво скривила губы и опустила головку на плечо мужа. Правда, ей пришлось слегка согнуть колени.

– Не надо, дорогая. – Юра мягко отстранил Лизоньку и

перевел взгляд на меня. — Лизонька нервничает, прости ее, пожалуйста. А так она у меня спокойная и...

— Ласковая, — скривилась я от отвращения.

— Да, ласковая, — с гордостью произнес бывший супруг. И слегка подтолкнул Лизоньку в плечо. — Иди, милая, в гостиную. — Проводив ее взглядом, Юра произнес полупшепотом: — Ладно, мы подождем. Ничего страшного. Только позволь, я заберу свои вещи. Обещаю, твоего мы не тронем!

— Забирайте. — Я постаралась вложить в это слово все презрение, которое испытывала. — Но предупреди свою жену, чтобы ничего в экстазе не разбрасывала. На мою постель тоже прошу не ложиться и, тем более, сам понимаешь... Еще сразу оставите!

— Сама зараза! Нужна нам твоя постель! — показалась в дверях Лизонька.

Мерзавка, видно, пряталась за косяком.

— На кресле вон посидела, все джинсы в собачьей шерсти. — Девушка брезгливо сморщилась. — Еле отчистила. Развела тут собак!

— И, правда, Оля, — смутился муж, — смотри, вон обои ободраны возле плинтуса. Твоя псина постаралась? И угол в гостиной чем-то испачкан.

— Это не собачка, а я угол описала и обои погрызла, чтобы тебе досадить, — рассмеялась я и, подхватив сумки, уже от порога махнула рукой. — Ладно, прощайте оба! Но долго не задерживайтесь. Мне это неприятно! — И захлопнула за

собой дверь.

Но за дверью силы оставили меня окончательно. Чтобы унять слабость в ногах, я присела на сумку и прижала пальцы к вискам. Но раздавшийся рядом старческий голос мгновенно привел меня в чувство:

– Олечка, что с вами? Ключи потеряли?

Надо мной склонилась соседка, бывшая актриса, женщина во всех смыслах воспитанная и доброжелательная.

– Нет, нет, что вы. – Я торопливо поднялась на ноги.

– Но на вас лица нет! Какие-то неприятности?

– Какие у меня могут быть неприятности, Нателла Андреевна? Вот в отпуск уезжаю, – кивнула я на сумки у своих ног. – Надолго!

– Удачи вам, – улыбнулась соседка. И не сдержалась, спросила: – Не помирились с Юрием Валентиновичем?

– Не помирились, – нахмурилась я. – Он успел жениться на молоденькой.

– Ой, беда какая! – горестно всплеснула руками бывшая актриса. – Вы же такая красавица и умница! И чего этим мужчинам нужно? Гоняются за миражами, а потом все равно к старому берегу возвращаются... – Женщина махнула рукой. – Знаю, пережила. Вернее, трех мужей пережила. – И захихикала, отчего седая голова в кудряшках мелко затряслась.

Насмеявшись, Нателла Андреевна вытерла заслезившиеся глаза кружевным платочком.

– А я увидела во дворе машину Юрия Валентиновича, и подумала... Ну, да бог ему судья! Вещи-то забрал?

– Забирает. – Я улыбнулась соседке: – Ну, я побежала... Посматривайте тут иногда на всякий случай, а то, говорят, преступники пустые квартиры по темным окнам вычисляют.

О безопасности квартиры я не беспокоилась, но знала, что теперь Нателла Андреевна будет ходить к моим дверям, как на работу. И это наверняка скрасит серые будни никому не нужной пенсионерки.

– Не сомневайтесь, Оленька! – Актриса с торжественным видом приложила руку к груди. – Присмотрю, как за своей. Вот на такой бодрой ноте мы и расстались.

Глава 6

Я выскочила из лифта и чуть не столкнулась лоб в лоб с инженером Горшковым, соседом, живущим двумя этажами выше меня. Мужчина вовремя отпрянул в сторону и схватился за сердце. Чем же я так его напугала?

Мы познакомились дней десять назад в сквере, когда выгуливали своих собак. Он – спаниеля Риччи, я – Дарьку. Говорили исключительно о собаках и погоде, а то, что сосед служил где-то инженером, я узнала случайно, из разговора по телефону – новый знакомый, когда у него зазвонил сотовый, откликнулся несколько старомодно: «Инженер Горшков...» Вот и все, что я знала о нем. Да и не интересовал он меня особо. Мужичонка так себе: лысый, тщедушный, глазки прячутся за нелепыми круглыми очочками. И по возрасту годится мне в отцы... Словом, скучный тип, и разговоры мы вели скучные...

Горшков быстро пришел в себя и успел крикнуть испуганно вслед:

– Ольга Михайловна, что с вами?

А Риччи пару раз гавкнул. Видно спросил, куда я подевала Дарьку.

– Простите, простите! – Я оглянулась и выдавила из себя виноватую улыбку. – На самолет опаздываю!

– Счастливого пути! – Голос инженера долетел из-за хлоп-

нувшей по пяткам двери подъезда.

Сумка покатилась с разбега вперед, я – за ней, и мы на пару чуть не слетели со ступенек высокого крыльца. И тут я наконец пришла в себя.

Куда я мчусь сломя голову? Что такого особенного случилось? И на кой ляд мне сдалась Абхазия? Ехать за тридцать земель к незнакомому человеку, который определенно не будет рад моему приезду? Нет уж, увольте! Я сама буду решать, что мне делать и как жить дальше! Но самое сложное сейчас – определить, чего мне хочется на самом деле. А что наоборот мешает.

Есть несложная процедура: сесть на поезд «Москва – Владивосток» и проехать туда и обратно, как советовал мне один коллега по журналистскому цеху. Помнится, говорил еще, что именно так выявляются все «хвосты общественного бытия». Сам-то он попробовал однажды, а вот многие, кому советовал, так и не нашли время. Хотя уже лет десять-двадцать стонали от внутреннего кризиса. Большинство людей боятся жить и для себя тоже. Так и тащат на плечах кучу мешков с грузом: «друзья», «нелюбимая работа», «важные звонки», «что люди подумают»...

А годы идут неотвратимо, как караван верблюдов.

Не знаю, почему, но я хорошо запомнила тот разговор, состоявшийся в самом начале моей карьеры – коллега был этак лет на тридцать старше. И свой поступок он совершил еще во времена Советской власти. Причём познакомился с кем-то

в поезде и проторчал во Владивостоке полгода. Даже на рыболовном сейнере в море выходил и вместе с пограничниками гонялся за браконьерами-корейцами, ловившими крабов в наших водах. Вернулся возмужавшим, с чемоданом интереснейших материалов. Вернулся и крайне удивился: никто из друзей даже не заметил его отсутствия. А ведь он считал себя «важной составляющей своего социума»!

Та-а-ак... Я присела на скамейку, которая в этот час пустовала. Предподъездные бабушки смотрели то ли утренний сериал, то ли ток-шоу известного целителя.

Приобрести билет – первый шаг в борьбе против навалившихся проблем. Только не стоит медлить – пока запал не прошел, пока я полна решимости полностью покончить с прошлым. А затем нужно запихать себя в купе. Не виртуально, а реально. Выбросить мобильник. Никаких органайзеров и «поработать в пути»! Тупо ехать, уткнувшись носом в окошко. Или спать сутками напролет, или разгадывать сканворды, или читать бульварные романчики в ярких обложках... И главное! Никаких разговоров о работе с попутчиками. Дня через три начнёт трескаться и отлетать шелуха «обязанностей перед обществом и близкими»...

Но обществу на меня давно наплевать. А из близких у меня остались только Любава и Дарька. Они меня поймут и простят.

Я поднялась со скамейки и покатила сумку по узкой дорожке, что вела мимо клумб и деревьев к стоянке автомоби-

лей. А по пути размышляла. Ну что мне стоило рискнуть? Я теперь сама себе хозяйка. И терять мне нечего, кроме собственных цепей. Любаве я позвоню с дороги. Она, конечно, рассердится, начнет ругаться, но будет уже поздно.

«На самом деле большое заблуждение думать, что ничего уже не изменишь, – рассуждала я, – и потому много лет плыть по течению в давным-давно неинтересную сторону...»

А я ведь и плыла по течению. И не верила, что оно потянет меня в омут. Моя любовь, если честно, давно превратилась в призрак, только я старательно этого не замечала. Но только сегодня, увидев Юру и Лизоньку вместе, раскрыла наконец ладони и выпустила ее, мою птицу-любовь, в глубокое, пахнущее первым летним дождем и фиалками небо.

После того как Юра бросил меня, я подолгу сидела вечерами одна в пустой и темной квартире и тупо пялилась на разноцветные огни за окном или на плывущие по стеклу мутные потоки весенних ливней, и размышляла о том, как просто, в сущности, устроена наша жизнь. Она представлялась мне чем-то вроде пути в крошечной темноте, по белому лучу света. Такому узкому, что очень легко оступиться. Один неверный шаг – и провалишься во тьму, как в трясину. Темнота затянет тебя с головой, и света ты больше не увидишь.

Пока мы были с Юрой вдвоем, вместе, мир казался мне разноцветной радугой, по которой мы карабкались все время вверх и вверх, ближе к небу, ближе к солнцу. А иногда наш мир выглядел, будто скатерть-самобранка. Каких толь-

ко на ней не было яств и дорогих вин! Глаза разбегались, и руки переплетались под столом, точно деревья корнями, и пол уходил из-под ног...

– Ольга Михайловна!

Резкий окрик заставил меня вздрогнуть и остановиться. Я в недоумении завертела головой, стараясь определить, кому принадлежал голос.

– О, Данила! – на ходу помахала я рукой водителю бывшего мужа. – Здравствуй! Здравствуй!

Я замедлила шаг и старалась улыбаться легко и беззаботно, пока Данила, здоровенный детина с белозубой улыбкой и сломанными ушами борца, приближался ко мне вразвалку. Но смотрел он на меня так доброжелательно, а глаза излучали такое неподдельное удовольствие от встречи, что я невольно остановилась.

– В командировку собрались? – спросил парень вежливо и подхватил сумку. – Показывайте, куда багаж нести. В такси, или кто-то за вами заедет?

– Подруга обещала подвезти до аэропорта. Только не в командировку я еду, а в отпуск.

– Отличное дело! – бодро заметил Данила и кивнул в сторону дома. – Долго они там?

– Понятия не имею, – я потянула сумку за ручку. – Спасибо, Даниил, но дальше я сама справлюсь. А то местные хулиганы сопрут что-нибудь с машины или неприличное слово нацарапают.

– Не успеют, – ухмыльнулся Данила. – А вы в какие края наострились? За границу небось?

– Нет, на Дальний Восток, – брякнула я и прислушалась к своим ощущениям. По всем показателям словосочетание не вызвало у меня негативных эмоций.

– У, далеко как! – удивился водитель. – Я служил на Сахалине. Рыбы там красной завались, и икру кружками черпали. До отвала нажрался, сейчас видеть не могу.

– А чем я хуже? – Я все-таки завладела сумкой. И мы остановились в том месте, где автостоянка плавно переходила в дорожное полотно. Здесь я обычно поджидала Любаву, если та заезжала за мной на своем «мерсе». – Я тоже хочу икру кружками.

– Ну, удачно вам слетать, – Данила поскреб в квадратном затылке. – А каким рейсом летите?

– Тебе-то зачем? – опешила я.

– Так они еще долго будут кувыркаться, вполне успею вас до аэропорта добросить.

– Спасибо, конечно, но я управлюсь. Зачем тебе лишний выговор от начальства?

– Давайте, давайте! – Парень перехватил у меня ручку сумки. – Живенько вас домчу!

Я ручку не выпустила. Данила потянул сильнее. И мне не понравилось выражение его – на мгновение в них промелькнула злость.

– Отпусти! – дернула я за ручку. – За мной вот-вот заедет

Любава. Мы только что созвонились.

Данила явно с неохотой выпустил сумку и с кислым видом пожелал мне счастливого пути.

Улыбнувшись ему на прощание, я направилась через дорогу в крошечный сквер. Кусты сирени создавали густую тень. Место было не очень заплеванным, а еще там стояли скамейки. Я выбрала ту, что чище, и только собралась присесть, как зазвонил телефон.

– Оля, – зачастила в трубку Любава, – я в пробке на Ленинградском. Уже час стою. Боюсь, не успею. Хватай такси и дуй в аэропорт. А я подскочу к вылету... Чмок, чмок, чмок! – и выключила телефон.

Я некоторое время смотрела на потухший экран, затем достала из телефона сим-карту и выбросила ее в кусты. Кажется, судьба поцеловала меня в темечко. И я с легкой душой направилась к стоянке такси.

Глава 7

Полчаса не прошло, как я оказалась на Казанском вокзале. По правде сказать, я даже не знала, с какого именно вокзала отправляются поезда во Владивосток, и тут в справочной мне сообщили: с Ярославского. И я, чертыхаясь, поперлась через длинный подземный переход туда. Оказывается, напрасно. В кассах билетов не было. На три дня вперед.

Я посмотрела на часы. До конца регистрации на самолет осталось сорок минут. Даже при очень большом желании я уже не успевала на рейс, а купить билет на поезд, который отойдет от перрона только через три дня, значило, что мне нужно вернуться в свою квартиру. Но где гарантия, что Юра со своей склочной супругой уже покинули ее?

«В Питер, что ли, смотаться? – подумала я, глядя тоскливо на шпиль Ленинградского вокзала. А ноги уже несли меня к входу в здание. И тут усиленный динамиком голос рявкнул чуть ли ни над ухом: «Скорый поезд номер... сообщением «Санкт-Петербург – Адлер» прибывает на пятый путь. Стоянка сокращена из-за опоздания состава до десяти минут».

Адлер? Все-таки я еду в Адлер! Зачем мучиться, зачем рисковать, искать иного пути? Но сколько я буду добираться до Абхазии? Сутки, двое? Об этом я не имела понятия! Однако меня вдруг просто затрясло от желания немедленно зайти в вагон. Когда же я последний раз ездила в поездах?

Я мысленно прикинула: кажется, лет десять назад. И припустила по перрону. Билета у меня не было. Я элементарно не успевала его купить. Но, может, получится договориться с проводниками?

Я остановилась у первого купейного вагона. Пассажиров возле него не наблюдалось. Полная проводница в фирменном сарафане и блузке с неприступным видом взирала на сновавших по перрону людей.

– Девушка, – подкатила я к ней свой сумку, – мы не могли бы договориться? Видите ли, я не успела купить билет. Мне до Адлера...

– Не положено! – Проводница даже не посмотрела в мою сторону.

– Заплачу двойную цену, – быстро сказала я. – Мне очень нужно...

Мне действительно нужно было срочно уехать. Я это чувствовала всем нутром, кожей чувствовала, по которой забегали мурашки.

Проводница дернула плечом и хмыкнула.

– Тройную, – уронила я упавшим голосом и взялась за ручки сумки.

Проводница молча перехватила у меня сумку и приказала:

– Заходи! До Тулы посидишь в нашем купе. А в Туле пассажиры выйдут, помещу тебя во второе. Только по вагону лишний раз не шляться!

– Договорились, – ответила я радостно.

Наконец состав отошел от перрона, и я с облегчением вздохнула.

Через несколько часов, сидя одна в купе, куда меня переместили подобревшие проводницы, я попыталась осмыслить, что же такое натворила. Выбрала самый кривой путь для достижения цели! На Дальний Восток съездить не получилось, зато дорога до Адлера вместе с билетом на самолет обошлась в кругленькую сумму. И чего добилась? Выбросила, как последняя дура, сим-карту и теперь не смогу дозвониться до Любавы. А она не сообщит брату, что я еду поездом. Выходит, придется добираться самой... Я полезла в сумку, достала листок с адресом: село Члоу, Добров Вадим Борисович... И вздохнула: не густо!

Я понятия не имела, как далеко от Адлера до Абхазии. Как добираться до границы? На чем ее преодолевать? И вообще, что за село такое Члоу? Где его искать? Ведь обмолвилась же Любава, что оно где-то у черта на куличках! «Медвежий угол», кажется, так она сказала. Я снова вздохнула и спрятала бумажку.

«Эх, Оля, сиди теперь и наслаждайся поездкой! – приказала я себе. – И моли бога, чтобы тебя не выкинули из поезда за проезд без билета, а остальное решится на месте!»

Тут я почувствовала, что проголодалась, и направилась в вагон-ресторан, где с аппетитом поела и выпила бокал вина. После чего настроение поднялось на несколько градусов, и

пейзажи за окном показались веселее, хотя ничем не отличались от скучных подмосковных. Правда, полей стало больше, и на них что-то зеленело: то ли трава, то ли посевы. Затем меня укачало, и я забылась почти счастливым сном.

Проснувшись я от резкого толчка и лязга сцепок. Поезд остановился.

– У вас попутчик, – заглянула в купе проводница.

А за ней, роняя с грохотом кульки и свертки, в дверь протиснулся молодой мужчина. Извинившись, он приподнял полку напротив и затолкал в рундук дорогой с виду кожаный чемодан. Тут состав неожиданно дернулся, и горе-попутчик приземлился на мою полку, прямо мне на живот.

– Идиот... – прошипела я и столкнула его с себя, не преминув ударить коленом под зад. Случайно, конечно!

– Простите! – Сосед с размаха врезался в верхнюю полку головой и взвыл: – Ой-е-ей! – Схватившись за темечко, он даже присел от боли.

Я вздохнула: вот не повезло-то! Пассажир явно пьян и, наверное, тоже левый, как и я. Иначе зачем проводнице его сопровождать? Я повернулась к нему спиной, натянула по выше одеяло, закрыла глаза и сделала вид, что крепко сплю. Но сосед по купе не унимался. Все грохотал, возился, шумел... А потом плеснул на одеяло кипятком. Я подскочила с воплем:

– Да вы что, совсем с ума сошли?

– Я вам чаю принес, – даже при слабом свете было видно,

что мужчина густо покраснел. — И разлил. Такой я неуклюжий, простите, ради бога. Кстати, меня Саша зовут...

Он смотрел на меня глазами побитого спаниеля. Освещал полутемное купе виноватой улыбкой. Куртка, которую он повесил в изголовье, замечательно пахла морозной свежестью — это в жаркий-то и по-летнему душный день! Отношение к мужской косметике у меня щепетильное, но тут и я бы не нашла, к чему придраться. В общем, учитывая воспитание и хороший парфюм, я сначала его просто простила, а затем попалась. Быстро и легко, как наивная девчонка. Купилась на виноватую улыбку, глаза с поволокой, которые больше подошли бы какой-нибудь гарной дивчине.

Мой случайный попутчик умел слушать, а мне нужно было выговориться. У него нашлась бутылка французского коньяка, и мы проболтали всю ночь. Я рассказывала Саше то, чем даже с Любовью не делилась: как мне было плохо, когда Юра бросил меня, как хотела убить себя. И даже про попытку уехать на Дальний Восток рассказала, и про выброшенную сим-карту...

Потом незнакомец с глазами спаниеля говорил о себе: адвокат из Одессы, разведен, был в Москве, сейчас возвращается домой через Харьков — там у него дела... А мне было чертовски жалко, что скоро он сойдет с поезда, и мы никогда, да-да, никогда больше не увидим друг друга...

За окном посветлело, коньяка осталось на дне бутылки, когда Саша взял мою ладонь в свою и спросил:

– Ты веришь в любовь с первого взгляда? – И уже тише добавил: – Оставь свой телефон, а?

– Нет у меня телефона, – вздохнула я. – Я же сказала. С квартирой расстаюсь, симку выбросила...

В любовь с первого взгляда я не поверила. Но все же мне было приятно, что моя поездка началась с признания любви. Тем более, Саша выглядел лет на двадцать пять. Это, несомненно, еще сильнее согрело душу. Получается, он не заметил нашу разницу в возрасте?

Воодушевленная таким поворотом событий, я рассказала Саше о Дарьке и четырех мужьях Любавы. О каждом по порядку. Саша слушал мою галиматью и лишь улыбался. И эту улыбку, как рыба наживку, я заглатывала все глубже и глубже...

Одним словом, утро подкралось незаметно. А вместе с ним проверка документов на российско-украинской границе. Вот уж не ожидала. И расстроилась: вдруг потребуют билет? Я бросилась к проводникам.

– Не бойся, – успокоила меня Галя, та, что пустила в поезд. – Разберемся без тебя. Главное, чтобы в чемодане ничего противозаконного не обнаружили: наркотики там, оружие, взрывчатка... Если это найдут, то уж не взыщи, подружка!

– Что ты? Какие наркотики? – замахала я руками.

– Тогда иди и сиди, как рыбка в аквариуме.

Я поплелась в купе.

– Что там? – с тревогой спросил Саша. Он был уже в курсе моих проблем.

– Сказали, обойдется. А вдруг? – Я тоскливо посмотрела в окно.

– Ну, высадят тебя, и что тут страшного? Купишь билет и отправишься в свой Адлер дальше. Тут же куча поездов проходит каждый день. И вообще я не понял, с чего вся заваруха? Могла бы спокойно сдать билет на самолет, какие-то деньги тебе бы вернули. А захотелось тебе трястись двое суток в вагоне – купила бы спокойно билет на другой поезд – и поехал без нервов и лишних затрат. Как-то нелогично ты поступаешь. Или бежишь от кого? Или от чего?

Я уставилась на него с недоумением. Как он не соображает? У меня порыв был... душевный... Я с катушек слетела... Где тут думать о логике?

– Да, ничего ты не понял.

Я отвернулась и принялась смотреть в окно. Весь обзор закрывал высоченный забор с колючей проволокой поверху. Какие-то люди, насколько я поняла, со стороны Украины, высоко подпрыгивали и что-то кричали через забор.

– Чего они кричат? – спросила я. – Узники режима? На волю хотят?

– Нет, – засмеялся Саша, – горилку предлагают.

Я рассмеялась в ответ.

В купе заглянул пограничник. Украинский, судя по желто-голубым нашивкам на рукаве.

– Приготовьте паспорта, – приказал он и протянул руку к моим документам. Быстро пролистал их, как мне показалось, чисто формально, и спросил: – Багаж есть? Предъявите для досмотра!

Я с готовностью вытащила сумку из рундука. Пограничник потянул за язычок «молнию», быстро, одной рукой закопался в кучу тряпья. Бросил на меня внимательный взгляд и спросил:

– Не страшно столько с собой возить?

– В принципе, нет, – в недоумении пожала я плечами. С чего я должна бояться перевозить в багаже резиновые сапоги и джинсы?

– Ну, смотрите, я бы не советовал, – заметил пограничник и вышел из купе.

На чемодан Александра он даже не взглянул.

– Фу! – Мой попутчик носовым платком вытер со лба пот. – Пронесло!

– Что? – изумилась я. – Везешь контрабанду? Оружие, наркотики?

Пошутила, конечно. Но Саша не успел ответить. Дверь купе снова отъехала в сторону. В проеме двери стояли уже двое пограничников. Один из них был с автоматом. За их спинами маячил офицер. Сердце ушло в прятки. Это за мной! Но, оказалось, ошиблась.

– Гражданин Портнов? – спросил солдат, что рылся в моей сумке.

– Портнов, – упавшим голосом ответил Саша.

– Пройдемте с нами, – выдвинулся на первый план офицер.

– На каком основании? – Саша побледнел, на лбу его снова выступили капельки пота.

Я вжалась в дальний угол полки. Меня потряхивало от неприятного возбуждения.

– Вы задерживаетесь до выяснения некоторых обстоятельств. Вероятно, догадываетесь, каких именно?

Я насторожилась. Очевидно, обстоятельства были не совсем благоприятными для Александра. Его пальцы тряслись, когда он схватился за выдвижную ручку чемодана. Но солдат перехватил у него багаж, а офицер жестом показал на выход из купе.

– За что вы его? – громким шепотом спросила я, глядя, как уводят моего попутчика.

На выходе из купе офицер повернул голову и окинул меня насмешливым взглядом:

– Надеюсь, вас он не успел облапошить? Это ведь известный шулер Санька Карась. Сутки назад он двух генералов до нитки обобрал...

– Ш-шулер? – Я закрыла рот ладонью и откинулась на стенку купе.

Боже, вразуми идиотку! Как долго я думала, что держу руку на пульсе жизни, знаю все или почти все. Но те десять-пятнадцать лет, что я не ездила на поездах дальнего сле-

дования, окончательно выдернули меня из народной среды. Я разучилась понимать элементарные вещи, перестала ориентироваться и разбираться в людях. Пестрота и глянец модного журнала заслонили собой целый мир, который продолжал жить по своим законам. Некоторые из них я совсем забыла, а часть не знала, как применять.

– Боже! – Я прижала пальцы к вискам. Почему все хорошее так безобразно заканчивается?

Тут мой взгляд упал на расстегнутую «молнию» сумки. Я наклонилась, поправила потревоженные пограничником вещи. И вдруг пальцы наткнулись на кое-что, абсолютно мне не знакомое. Я быстро выхватила из-под резиновых сапог пакет, тяжелый, кстати, и обомлела. В пакете лежали несколько толстеньких пачек стодолларовых банкнот.

Я перевернула пакет и высыпала его содержимое на одеяло. Пересчитала пачки. Ровно десять. Сто тысяч долларов! Откуда? Я бросила взгляд на дверь купе, затем – в окно. Оказывается, состав уже тронулся, и теперь мчался мимо славных хаток из белого кирпича с разноцветными крышами и садочков, в которых буйно цвели яблони и абрикосы.

Вот оказывается, о чем спрашивал пограничник! Он – профессионал. И сразу определил, что спрятано в пакете под вещами. Потому и советовал быть осторожнее. Я взяла в руки пачку, вытащила одну купюру и принялась тщательно ее разглядывать. И хотя я мало смыслила в валюте, но, похоже, она была настоящей. Неужто Карась скинул свой преступ-

ный барыш в мою сумку? Но когда он успел? Ах да, во время нашего разговора я пару раз отлучалась в туалет, да ранним утром сбегала к проводницам протрясти ситуацию...

Что ж, на то он и ловкач, чтобы мигом избавиться от опасного груза. Но на что парень рассчитывал? Что его не узнают? И после проверки на границе ему удастся так же незаметно забрать свои денежки обратно? Но просчитался, сукин сын! От досады я стукнула кулаком по столику. Думай, Оля, думай! Что теперь с долларами делать? И где гарантия, что меня не прищучат на выезде с украинской территории. Там уже будут шерстить русские пограничники.

Я затолкала деньги в саквояж. Он разбух и потяжелел. Если ко мне полезут с расспросами, мол, откуда у вас, гражданка, иностранная валюта, выложу ее и объясню, как было. А если не спросят? Нельзя сказать, что я в момент почувствовала отвращение к этим деньгам. Нет, соблазн возник сразу, я даже прикинула, куда бы их смогла потратить... Но за последние дни я совершила столько необдуманных поступков, столько глупостей натворила, что пришла пора включить разум.

«Так, – начала думать я, – если при жулике не найдут деньги, то вполне могут и отпустить его. А он захочет их вернуть... Я постучала себя пальцем по лбу. Идиотка! Умудрилась рассказать попутчику, в каком журнале работаю. Рано или поздно мне придется возвратиться в Москву, и там-то уж надо быть начеку, когда этот тип явится за своим добром.

В дверь купе постучали. Я быстро задвинула саквояж под подушку. На пороге стояла проводница.

– Ну, как ты? – спросила она, присаживаясь на свободную полку. – Забрали попутчика-голубчика? Вроде мужик симпатичный, одет дорого. Хотя шулеры да ворье сейчас хорошо одеваются, от порядочных не отличишь.

– Парень тоже без билета ехал?

– Да нет, с билетом. Он свой портфель у нас оставил. Но я его выдала погранцам – от греха подальше. Обещали не сообщать начальнику поезда. А то у нас с этим строго!

«Ничего, за тройную цену вам и строгости не страшны! – подумала я. А вслух спросила: – Когда в Россию въедем?

– После обеда, – сообщила Галя и поднялась с полки. – Чаю принести? У меня пирожки есть. Нам из ресторана свежие носят.

– Неси, – кивнула я, лишь бы отвязаться.

Проводница ушла. А я снова вытащила саквояж и мигом затолкала его в рундук. С глаз подальше. Но не из мыслей.

Глава 8

Я стояла на привокзальной площади и размышляла, в какую сторону податься. Атаку местных таксистов, обещавших доставить до границы за пару тысяч рублей, я отбила достойно. После встречи с милым шулером, пришлось держаться настороже. Таксисты, разумеется, ввали. Очевидно, где-то поблизости пряталась автобусная остановка, с которой можно уехать за копейки. Хватит с меня бесполезных трат!

Яркое солнце заливало площадь. Я надела темные очки, но мир вокруг не стал хуже. Вовсю зеленели деревья, распустили свои веера пальмы, на клумбах перед зданием вокзала цвели анютины глазки. Я прошлась глазами по автомобилям, заполнившим привокзальную площадь, по пестрым вывескам магазинчиков и остановила взгляд на уличном кафе под навесом, потому что заметила возле него крепкого милиционера славянской наружности. И, недолго думая, направилась к нему.

– Простите, – сказала я, мило улыбаясь. – Вы не подскажете, как мне добраться до границы с Абхазией?

– До границы? – удивился милиционер и оглядел меня с головы до ног. – А что, в Адлере не хочешь отдохнуть?

– Нет, мне в Абхазию нужно. Там подруга ждет с маленьким ребенком. Не смогла встретить! – с радостным видом соврала я.

– Понятно, – улыбнулся милиционер. – Тут за углом остановка. Садись на любую маршрутку, что идет до Казачьего рынка. А там рукой подать!

– Так близко? – поразилась я.

– Остановка близко, а до Казачки – с полчаса, если в пробку не попадете, – расплылся в очередной улыбке милиционер. – Жаль, не в Адлере остановилась. Могли бы хорошо провести время! – И отковырял. – Счастливого пути!

– Спасибо!

Я завернула за угол и, пропустив три или четыре переполненные маршрутки, с грехом пополам втиснулась в ту, где единственное свободное место находилось в самом конце, на боковом сиденье. Я чуть не упала на колени толстому дядьке, с распаренным, как в сауне, лицом, втиснулась в узкую щель между ним и задней дверцей, подтянула сумку...

Боже, что такое маршрутка в жару, я тоже прочно забыла. Духота стояла невероятная. Не спасали даже открытые окна. Я ловила воздух открытым ртом и явно смахивала на дауна, но это меня меньше всего волновало. Сумка – на коленях, саквояж на сумке – за этой пирамидой я не видела, куда меня везли, и лишь пыталась убрать ноги подальше под сиденье. И все же то и дело выходившие из маршрутки пассажиры сумели их оттоптать.

Наконец в машине никого не осталось. Только я устроилась поудобнее, как водитель повернул голову и спросил:

– Назад, что ли, едешь?

– Так это Казачий рынок? – обрадовалась я.

– Казачий, Казачий, – отозвался водитель. – Выходи уже, а?

– А как до границы добраться?

– Выйдешь и топай прямо-прямо. Там все к границе идут, увидишь.

– Пешком? – поразилась я.

– На трамвае! – рывкнул водитель. – У меня график, понимаешь, а она: граница-маница... Мимо не пройдешь, женщина! Слушай, выходи, а.

Я выбралась из маршрутки, как бабочка из кокона. Мокрая от пота, в измятой одежде. И некоторое время приходила в себя, расправляя крылья, которые, само собой, затекли в духоте и в тесноте.

Поток людей, миновав широкие ворота, тек мимо торговых рядов, заваленных фруктами, овощами, зеленью... На открытом воздухе было не менее жарко и душно, чем в маршрутке, но здесь хоть никто не грозился отдавить ноги. В воздухе витали терпкие и пряные запахи. На стоянке такси несколько жгучих брюнетов, устроившись в тени забора, резались в нарды.

Я повесила меньшую сумку на плечо, пристроила саквояж поверх большой и отправилась вслед за людским потоком...

Чувствовала я себя не совсем уютно. Возможно, из-за денег, приличной-таки суммы, свалившейся мне, как снег на голову. Только сейчас я подумала, что на границе наверня-

ка досмотрят багаж. А вдруг чертов красавчик Саша Карась под давлением улик во всем признался, и меня теперь ищут с собаками по всему Черноморскому побережью? И арестуют при проверке документов как пособницу жулика?

Воображение разыгралось не на шутку. Меня даже потряхивало от нехороших предчувствий. Но я продолжала упорно двигаться в сторону Абхазии. Да вот, такова моя натура – действовать супротив логики.

Путь оказался долгим и утомительным, вероятно, из-за того жара, который обрушился на мои плечи и голову. Пришлось остановиться в торговых рядах и купить панамку. А еще бутылку ледяной воды, которую я вылила на затылок, чтобы остудить почти растаявшие мозги.

Я тащилась, как сонная муха, по расплавленному асфальту в узком коридоре, почти туннеле, отделенная от всего мира высоким сплошным забором. Задышалась от пекла и захлебывалась от пота, который ручьями сбегал по лицу, затем тех по животу, ногам и заканчивал свой путь в кроссовках, где уже скопились два озера – Эльтон и Баскунчак.

К тому же я сильно проголодалась, хотя в жару обычно ем редко и мало. К счастью, на пути попалось кафе. Чистенькое, с кондиционером. Я заказала окрошку, хачапури и сок. И съела почти все с таким аппетитом, который не замечала за собой с того момента, как потеряла Юру. Потеряла? Я хмыкнула. Впервые с момента его ухода к Лизонке я ничего не почувствовала: ни горя, ни отчаяния. Возможно, я

просто устала? Но я пила сок, смотрела в окно и думала о чем угодно, но только не о бывшем муже. Голод ушел и унес с собой часть беспокойства по поводу непредвиденного богатства. Хотя все относительно в нашем мире. Кто-то, может статься, и сошел бы с ума от радости, а для меня эти деньги – всего лишь источник раздражения и тревоги.

Сквозь пропускной пункт на границе я прошла быстро и без эксцессов. На таможене тоже все оказалось проще, чем я ожидала. Мои вещи пропустили через «телевизор». Контролер, пожилая женщина с серым от усталости лицом, равнодушно смотрела на экран, я же уставилась в бетон под ногами, чтобы таможенники по взгляду не определили, что я встревожена. Но мой багаж благополучно миновал зону контроля, и я подхватила его с ленты транспортера.

Камень свалился с души, и даже жара, казалось, немного спала. Ловко лавируя между тачек, которые, миновав спецконтроль, лениво ползли в гору, я вышла на мост через бурную, стремительную реку. «Псоу» сообщали синие буквы на белой табличке.

Впереди виднелся звездно-полосатый флаг. В отличие от стяга США полосы на нем были бело-зелеными, а звезды – красными. А чуть ниже флага висела длинная растяжка со словами: «Бзиала уаабейт!» и «Добро пожаловать!». Я с облегчением перевела дух. Неужто мои мытарства позади?

Надежды мои оправдались. На абхазской стороне границы в мой паспорт взглянули чисто для проформы. И слава богу!

Моя сумка благополучно проехала с моста мимо старушек, торговавших петрушкой и чурчхелой, мимо группки молодых людей, дружно кутивших «Winston», мимо двух пожилых армянок, оживленно оравших друг на друга. Я подумала, что они ругались, но ошиблась: женщины в конце концов расцеловались и побрели в разные стороны.

Тут же ко мне подлетел горбоносый горец с пластиковой бутылкой и стаканом в руках.

– Вино купи, а? – с ходу предложил он. – Хорошее вино, «Изабелла»! Водку не добавлял, сахар не мешал. Пробуй, а? – и плеснул в стакан вино густого гранатового цвета. – Бесплатно пробуй, я тебя прошу!

– Спасибо, не нужно. – Я ускорила шаг.

– Ежевичное вино, вишневое, коньяк... – бросился навстречу второй продавец, по виду абсолютный близнец первого.

– Нет, нет! Не пью вино! И коньяк не пью!

Я почти бежала, стараясь быстрее миновать опасное место, где толпились торговцы вином и сувенирами, направляясь к стоянке машин на приграничной площади. Правда, издали обилие легковых, автобусов и маршруток больше смахивало на кучу-малу, чем на стоянку. Сумка подпрыгивала на выбоинах асфальта, заваливалась на сторону, но я прибавила шаг. Вокруг сновали люди. Они толкались, кричали, смеялись, окликали друг друга, обменивались дружескими поцелуями.

Протискиваясь сквозь толпу, я пыталась отыскать автобус или маршрутку, которые шли бы в Члоу, или какое-то подобие расписания. Не нашла ни того, ни другого и спросила у пожилой женщины, где посадка на Члоу. Но она посмотрела на меня, как на дурочку, только пальцем у виска не покрутила. Тогда я обратилась к водителю одной из маршруток, на лобовом стекле которой значилось «Пицунда». Но он уставился на меня с таким видом, что я невольно поднесла руку к голове: уж не выросли ли там рога, коровьи или козьи, и не превратились ли мои уши в ослиные?

– Кто тебе сказал, что мой машина едет в Члоу, а? – спросил водитель. – Туда теперь только вертолет ходит. А у меня, видишь, написано «Пицунда».

– Вертолет? – Ноги у меня подкосились, и я схватила за раскаленный от жары поручень «Газели». – Позавчера меня должны были встречать на машине...

– Позавчера? – хмыкнул водитель. – А вчера ночью буря была, мост речка снесла!

– И что мне теперь делать? – Я в растерянности оглянулась. – Назад возвращаться?

– А зачем тебе в Члоу? – удивился водитель. – Моря нет, шакалы воют. Оставайся здесь, в Гантиади. Граница – рядом. Море – рядом. Я – рядом. Дом хороший, вина много, чачи. Сестра мамалыгу сварит, сыр поджарит. Стол накроем, гуляй – не хочу!

– Спасибо, но мне в Члоу надо, – вежливо сказала я.

И, бросив последний взгляд на скопление машин и людей, вздохнула: «Знать, не судьба тебе, Оля, провести отпуск в Абхазии!»

Солнце зависло над кронами кипарисов и тополей. Стало прохладнее, но тащиться обратно совсем не хотелось. Я устала, снова проголодалась, но делать нечего – надо было возвращаться. Мне хотелось заплакать от голода, от бессилия, от собственной непроходимой тупости. Но кому нужны мои слезы? Устроить представление на потеху людям, которым есть куда и к кому ехать? Я же чувствовала себя безродной дворняжкой на обочине дороги. Случись что, никто куска не бросит...

Я плелась к границе и предавалась печальным размышлениям, отчего жалела себя все больше и больше.

– Куда прешь? Глаза разуй! – Родной московский говор мгновенно привел меня в чувство. Оказывается, я чуть не налетела на двух велосипедистов, вернее, на их дорожные велосипеды. Сами же велосипедисты снимали рюкзаки, притороченные на крыше старенькой «Нивы».

– Простите, – отпрянула я в сторону.

Саквояж свалился в пыль. Я кое-как его отряхнула и вновь приспособила поверх сумки. И тут обнаружила, что потеряла колесико. Я потянула сумку за ручку, она безобразно завалилась, снова сбросив с себя саквояж. Хлюпая носом, я присела на корточки, и стала разглядывать дно сумки. Надо же, все одно к одному! Сглазили меня, что ли?

– Что случилось? Помочь?

Сверху вниз на меня смотрел высокий седоусый и седовласый мужчина с большим носом.

– Колесико отлетело, – сообщила я упавшим голосом. – Не знаю теперь, как сумку везти.

Седовласый схватил сумку за ручки.

– Куда нести? К автобусу?

– Нет, – вздохнула я, – к границе. Вернусь в Адлер. Туда, куда мне нужно, автобусы не идут.

– Так нельзя, – покачал головой седовласый. – Только приехала и сразу назад. Автобус не идет, так у нас такси есть. Сейчас еще не сезон, недорого возьмут. Мамой клянусь!

– Не получится. Мне сказали, там мост ночью сорвало. Не пройти, не проехать... Только на вертолете.

– Постой! – он резко остановился. – Ты куда едешь?

– Ехала, – скривилась я. – В Члоу.

– В Члоу? Обара! – Незнакомец хлопнул себя по лбу и поставил сумку в пыль. – Так это тебя позавчера Вадик встречал? Ты Оля?

– О-оля, – поперхнулась я от неожиданности. – Откуда вы...

– Давид... – Мужчина протянул мне широкую, с загрубевшей кожей ладонь. – Я его туристов только что привез. Хотел уже возвращаться.

Я с недоверием посмотрела на его выдавшую виды машину.

– Мне сказали, автобусы туда не ходят.

– Так то автобусы не ходят, – не спрашивая моего согласия, Давид снова подхватил сумку и направился к «Ниве», – а моя косуля где угодно пройдет. Поехали, что ли? – спросил он, заметив, что я нерешительно топчусь на месте.

– Странно как-то, – промямлила я, потому что не слишком верила в счастливые совпадения. – Очень уж вовремя вы здесь оказались!

– Чего боишься, а? – Седовласый затолкал сумку на заднее сиденье и воздел руки к небу. – Бога благодари, что Давид на час опоздал. Колесо спустило, менять пришлось. А так куда бы ты делась? Назад в Москву? Вадик вернулся сердитый, переживал, что ты не приехала. Сестре звонил, только не дозвонился. Помехи большие в горах перед грозой. Не веришь?

Я пожала плечами и осталась стоять на удалении от его «Нивы».

– А-а-а... – пробормотал мужчина что-то на своем языке и полез в машину.

Некоторое время Давид рылся в бардачке, затем вынес свернутую трубочкой бумажку и сунул мне в руки.

– Смотри! Вот Вадик твой. А рядом кто? Я у него и водитель, и проводник в горах. А ты думала, бандит какой?

Бумажка оказалась рекламным буклетом, впрочем, замызганным до невозможности. И все-таки я рассмотрела и Вадима, и стоявшего рядом в картинной позе Давида. Води-

тель был в черкеске с газырями и в огромной черной папахе, закрывавшей глаза, но усы я узнала.

По Вадиму я тоже прошла внимательным взглядом. Крепкий мужик за сорок в военной панаме, рукава куртки засучены выше локтя. Вот незадача! Именно таких типов я недолюбливала: крутых, мускулистых, brutальных, с трехдневной щетиной на мужественных лицах. Словом, все у них напоказ: и бицепсы, и помыслы, и намерения. Но такие Ильи Муромцы и Добрыни Никитичи интересны юным барышням или вечным Золушкам, которые не могут себя защитить и постоянно находятся в поисках опекунов и спонсоров. Мне же заступники не нужны. Я себя в обиду не давала и не дам никогда! И потому мужчины мне нравились изящные, с тонкой натурой, чувственные и глубокие. Вроде Саши Портнова...

Вспомнив своего попутчика, я скривилась от досады. Лучше терпеть рядом небритого и потного мачо типа Вадима Доброва, чем жулика-ловкача в образе эстета.

– Уговорили. – Я улыбнулась Давиду и взгромоздилась на переднее сиденье, отправив саквояж в компанию к сумке. – Поехали!

– Поехали. – Мужчина улыбнулся в ответ, повернул ключ в замке зажигания и спросил: – Можно я музыку включу, а?

– Включайте!

Из динамиков грянуло:

...А впереди еще три дня и три ночи,
И шашлычок под коньячок – вкусно очень.
И я готов расцеловать город Сочи
За то, что свел меня с тобой...

С этого залихватского напева Трофима и началось мое путешествие в Члоу.

Глава 9

– Ты на самолете прилетела? – первым делом спросил Давид, лишь только машина выехала со стоянки.

Я не люблю, когда незнакомые люди обращаются ко мне на «ты», но тут промолчала. Правда, ответила сдержанно:

– Нет, поездом приехала.

Мне вообще не хотелось разговаривать, тем более отвечать на вопросы. То ли от голода, то ли от утомления дико болела голова. Чтобы отвлечься от неприятных ощущений, я стала смотреть в окно. И уже через минуту не могла оторвать взгляд от моря, которое мелькало в просветах между кипарисами и высоченными тополями. Море было густого янтарного цвета с золотыми вкраплениями – отблесками солнца. Ровное, спокойное, ни морщинки на поверхности, точно лоб младенца.

– А почему Вадим самолет встречал? – не отставал от меня Давид.

– Не получилось с самолетом. Улетел без меня, – ответила я, не вдаваясь подробности.

Дорожное полотно, судя по всему, было новеньким. Ни ямки, ни ухаба, поэтому «Ниву», которая мчалась на скорости за сто километров, не трясло и не раскачивало.

– В первый раз в Абхазии? – снова спросил Давид.

– В первый, – вздохнула я, понимая, что вскоре последу-

ют другие вопросы. В висках застучал крохотный метроном. Первый признак того, что могу вспыхнуть, надерзить сгоряча, наговорить колкостей.

Но сказать об этом Давиду не решилась. Зачем обижать хорошего человека? Если бы не встреча с ним, где бы я сейчас была? Небось до сих пор тащилась бы по Казачьему рынку и ругала Любаву последними словами.

– Знаешь, как мы раньше хорошо жили! – Давид, не спросив разрешения, закурил. – Дружно, богато. Вино, мамалыга, мандарины, чай... И какой ты нации, вообще значения не имело. Все соседи – абхазы, грузины, русские, армяне – ходили друг к другу в гости, вместе пили вино и вместе отмечали всякие праздники.

– У нас тоже собирались, только во дворе, – улыбнулась я. – Родители отправляли меня летом к бабушке, в Бердичев. Все в доме знали друг друга с пеленок. Только нет уже ни того дома, ни того двора... Бабушка давно умерла. Да и Бердичев теперь за границей.

– А я что говорю? – посмотрел на меня Давид. – Явился Горбачев, началась перестройка, и все пошло вразнос. Воровать стали, грабить, молодежь наркотики попробовала. Брат на брата пошел, друг – на друга. И управы не найдешь. Грузины в милиции только грузин защищали. Молодые перестали стариков слушать и уважать. Страшное время было, не дай Бог, повторится!

Давид перекрестился с зажатой в пальцах сигаретой. Дым

вылетал в открытое окно, но меня замутило сильнее. Надо бы, подумала я, попросить Давида остановить машину где-нибудь в живописном месте, и хотя бы с четверть часа подышать свежим воздухом, насыщенным запахами хвои, цветов и моря. Его огромное зеркало сливалось на горизонте с голубоватой дымкой. В нее садилось багровое солнце. Но я не попросила: неожиданно для себя постеснялась.

Конечно, у меня дух захватывало от открывшейся глазам красоты, и только червячок под ложечкой упорно и все сильнее напоминал о себе. Я с тоской вспоминала о недоеденной в кафе крошке и оставленном на тарелке приличном куске хачапури. Он был безумно вкусным этот хачапури. Я даже хотела завернуть его в салфетку и забрать с собой, но мне вдруг стало стыдно. Я что, из голодных краев? Но как бы он сейчас оказался кстати, тот кусок! Я сглотнула густую слюну. Хоть бы какое-нибудь кафе встретилось по дороге...

– Далеко еще до Члоу? – спросила я, чтобы отвлечься от мыслей о брошенном хачапури.

– Далеко, – отозвался Давид, – восемьдесят километров до Сухума, и от него сорок. Самые тяжелые. Там государственные трассы не проходят. Раньше эта дорога Военно-Сухумской называлась. По ней через Клухорский перевал в Черкессию попадали, в Кабарду. Там очень древний торговый путь проходил. Говорят, часть Великого Шелкового пути.

– Клухорский перевал? – удивилась я. – Бывала я в тех местах. И в Теберде, и в Домбае, и в Архызе. Только не ду-

мала, что Абхазия находится так близко от Домбая.

– Раньше все было близко! – глубокомысленно заметил Давид. – Из Теберды маршрут был до Сухуми. Знаменитый Всесоюзный 43-й маршрут. Сколько ребят с рюкзаками ходили. Каждые два дня по сорок-шестьдесят человек. Ничего не боялись. Даже мотоциклисты и те перебирались. А теперь на Клухоре русские пограничники стоят. Другая страна, просто так границу не перейдешь! А ведь абхазы в Великую Отечественную тоже воевали, перевалы защищали от немцев.

– Фашисты дошли до Абхазии? – поразилась я, ощущая себя полной душой. Оказывается, я совсем не знала не только географию, но и родную историю. Нет, кое-что знала, конечно, но, как говорится, в общих чертах, основные моменты. Остальное мне просто было не нужно.

– Фашистам на Кавказе дали по морде, – с гордостью посмотрел на меня Давид. – В Абхазии они только одно село захватили. Псху называется. Это далеко в горах. Но ниже фрицев не пустили. Сколько там егерей полегло... До сих пор их трупы в ледниках находят. Мой отец, ему пятнадцать было, вместе с братьями вступил в истребительный батальон. Они парашютистов ловили, диверсантов. Один раз пять десантников уничтожили. У нас призывной возраст издавна с пятнадцати лет до семидесяти. Мой прадед в восемьдесят лет парашютиста скрутил и в штаб доставил. Боевую медаль получил.

– Здорово! – искренне восхитилась я. – Молодец какой!

– Да, были раньше люди... – вздохнул Давид. – У нас двадцать два Героя Советского Союза только за Великую Отечественную войну. Хорошо воевали абхазы. Матерям не было стыдно за своих сыновей...

Пепел от сигареты упал ему на колени. Давид ругнулся и выбросил окурок в окно. Затем спросил:

– Тебе не дуется?

– Спасибо! Все хорошо! – вежливо ответила я, продолжая созерцать пейзажи по обеим сторонам дороги.

Высокие горы, покрытые густым курчавым лесом, розовато-коричневые скалы, а на их фоне белые особняки, особенно яркие в лучах предзакатного солнца. Дома сильно смахивали на те, что я видела в Грузии. В большинстве своем двухэтажные, с балконами по всей длине здания, они утопали в садах, из которых порой виднелись только крыши. Одно удручало: тут и там мелькали развалины когда-то красивых строений, а участки заросли дурниной, сквозь которую не пройти, не проехать.

– Я слышала, вы с Грузией воевали в начале девяностых? – повернулась я к Давиду. – Такие красивые дома разрушили!

– Кому война, а кому мать родна... – скривился Давид. – Тут больше мародеры постарались, растащили все. Многие дома во время войны остались без хозяев. И абхазские, и грузинские. А восстановить их сейчас денег нет...

На дороге показалось медленно бредущее стадо – коро-

вы попеременно с козами. Машины впереди принялись сигналить, водители – орать и браниться. Давид тоже притормозил, высунулся из окна и что-то прокричал по-абхазски мрачному пастуху с длинным посохом в руках. Затем покоился на меня. Видно, проверил, поняла ли я, как он старается быстрее довезти меня до Члоу. Я ободряюще улыбнулась. Но тут пастух ответил в той же тональности, но более коротко, и сверкнул глазами из-под войлочной шапочки.

– Чтоб я тебя оплакал! – уже по-русски огорчился Давид. – Был бы он горный абхаз, я б из машины вышел. Но он из долины... Что с них возьмешь? Тут один дурак, не буду имя называть, купил жене шубу за сто тысяч. Песец называется. В ней в снегу на Мамдзышьхе спать можно! Спрашивается, зачем в нашем солнечном краю такая шуба?

Давид посмотрел на меня. Я пожала плечами. Он усмехнулся с таким видом, словно сказал: «Ничего, самое смешное впереди».

– Нынче в марте, чтобы людям показаться, пошла она в той шубе на свадьбу. Солнечный удар получила, и свалилась, как свинья. Спрашивается, чем хозяевам заниматься – этой кекелкой или молодых женить? – Осуждающе покачав головой, Давид посмотрел на меня, словно проверяя мою реакцию.

– Да уж! – отозвалась я. – Она б еще валенки надела!

– Сейчас много отдыхающих приезжает, – продолжал Давид. – Те, кто комнаты сдают, летом в деньгах купаются. Вот

и этот дурак вместо того, чтобы с умом деньги потратить, в кафе посидеть да друзей угостить, шубу купил. Теперь шубу мошь сожрет, потому что над его кекелкой вся Абхазия смеется.

Слово «кекелка» я не раз слышала от нашего с Юрой друга Мамуки. Так он обзывал одну, ну, очень известную телеведущую и пояснял: «Кекелка – жеманная дура. Сегодня у таких девиц за душой лишь тупая тяга к «гламуру», а при Советах – к «свэти». Мечта идиотки – стать «свэти», то есть принадлежать к высшему обществу. Причем торговля собой не обязательна, но снисходительно приветствуется мужским полом».

Я хмыкнула про себя. А я кто? Самая настоящая кекелка и есть. Кто бы сомневался! Правда, собой не торгую.

Стадо впереди растеклось по обочинам дороги, но одна коза – судя по рожкам, совсем молодая и глупая, стала метаться перед капотом, отчего мы едва не съехали в кювет.

Я думала, Давид снова разразится гневной тирадой в адрес пастуха, который брел вдоль дороги и безмятежно потягивал пиво из баночки, а козу демонстративно не замечал.

Но Давид едва слышно хихикнул и повернул ко мне абсолютно довольное лицо.

– Знаешь нашего писателя Фазиля Искандера, обара¹? – Водитель восторженно цокнул языком: – Как красиво написал, слушай, а? «Созвездие Козлотура»! Я много раз читал.

---

¹ Обара – обращение к женщине (абхазск.)

Нравится мне. А сколько фильмов у нас снимали по его книгам: «Сандро из Чегема», «Белый башлык»... По всем книгам снимали!

Фазиля Искандера я читала в юности и помнила лишь не то имя, не то прозвище мальчишки – Чик, поэтому литературную тему решила не поддерживать. Впрочем, в голове у меня промелькнула мысль, что последние пять или шесть лет я вообще не читала книги. Политику я не любила, вернее, терпеть ее не могла, но газеты иногда пробежала взглядом, просматривала журналы конкурентов, находила какую-то информацию в Интернете. Мне этого хватало!

«Надо же, как все запущено! – подумала я. – В кого ж ты, Оленька, превратилась? В гламурного робота, способного ежемесячно выдавать на-гора двести страниц глянцево-й дряни, которая так же далека от реальной жизни, как... как... – Я посмотрела в окно. – Да, как лужа от моря!»

Наконец стадо покинуло трассу и свернуло в боковое ущелье, на склонах которого виднелись несколько старых домов, сплошь увитых виноградной лозой. Давид прибавил скорость. Деревья и скалы проносились со свистом мимо, на крутых поворотах машину заносило на встречную полосу. Я закрывала глаза от страха, а затем не выдержала и спросила: что случится, если навстречу нам из-за поворота выскочит другой лихач?

– Лихач? – удивился Давид. – У нас все нормально ездят. Плохо ездили бы, горы железа везде валялись бы. А тех, кто

выскакивает, я как себя чувствую!

И правда, пару раз Давид лихо уходил от лобового столкновения. Визжали тормоза за спиной, раздавались проклятия, но мы мчались вперед, как ракета к намеченной цели. Гор железа я не видела и слегка успокоилась. И все же меня то и дело заваливало набок при резком уходе влево, или бросало на Давида при повороте вправо. Поток воздуха панамку сорвало с головы, я едва успела ее подхватить.

– О! – рассмеялся Давид. – У нас говорят: «Папаху потерял, голову потерял!»

Я подумала, что у меня и без папахи голову заклинило, а вслух спросила:

– В приметы верите? У моей бабушки тоже присказка была: «Платок посеешь, косу потеряешь».

– Приметы не мы придумали. Старики в приметы верили и меньше глупостей делали. Вадим говорит: «Вы – абхазы, хоть и православные, а язычество из вас так и прет». Наверное, он прав. Когда в горах, в лесу живешь, начинаешь в приметы верить, особенно, если они сбываются. Мой дед рассказывал: накануне войны с фашистами черное солнце в море садилось, а с горы Баграта в Сухуми спустился волк. Жутко выл. А еще розы сильно цвели. Черные. Их у нас «Королевскими» называют. Старинные это приметы, только не придали им значения, а когда вспомнили, поздно было. Война началась.

Давид горестно вздохнул, покачал головой и что-то про-

бормотал сквозь зубы по-абхазски.

– Так всегда бывает, когда беда случится, – усмехнулась я. – Вон, накануне одиннадцатого сентября, когда в Нью-Йорке небоскребы взорвали, чего только люди не видели! Одни – огненный крест в небе, другие – огромный объект типа НЛО, а третьи и вовсе красных муравьев размером с кота... И принялись трактовать свои видения, как знамения.

Давид покосился на меня, и мне стало стыдно за свой легкомысленный тон.

– Простите! – сказала я. И стала смотреть в окно.

– Мы долго в мире жили, успокоились, – продолжал Давид как ни в чем не бывало. Он снова закурил, но меня это уже не раздражало. – Только в августе девяносто второго опять волк с горы спустился. И выл страшно. Все городские собаки всполошились, тоже выть стали. Люди шептались: «К беде». Мать моя все черные розы в саду выкорчевала. Только не спасло это от войны – через неделю грузинские войска перешли границу. На танках, бэтэрах. Самолеты, вертолеты... А у нас ополчение с охотничьими ружьями да милиция с табельным оружием.

– И как же вы победили, если у них были танки? – поразила я. И только тут поняла, что головная боль и тошнота отступили.

А Давид, словно не расслышав меня, продолжал говорить. Голос его звучал глухо:

– Я из-под Сухума, до войны учителем в школе работал,

историю преподавал. Трое маленьких детей, родители-старика, вот я и пошел за свой дом воевать. И у меня, и у жены родственники в Сочи, в Геленджике, но родился я здесь, у меня нет другой родины. Когда наступали в марте на Сухум, меня ранило в бок, пуля вышла из спины. Я и не понял сначала, что ранили. Спрятался за дерево, хочу стрелять – но чтоб в меня мои враги так стреляли, как я мог тогда стрелять! Оказывается, правую руку мне перебили – не мог поднять автомат. Клянусь мамой, от обиды чуть не заплакал. Легкое тоже пробило – я дышал и слышал, как внутри хлопает. Рука не действовала, ребра сломаны...

– Как же вы спаслись? Кто-то помог?

– Нет, сам выбирался. К вечеру пришел в себя, перевязал, как мог, рану шарфом и пополз к своим. У меня только дети были в голове, я думал, что ради них должен выжить. Полз прямо по минному полю, и ни одна не взорвалась, на мое счастье. Через четыре часа добрался до речки, стал кричать нашим: «Ора², слушай! Я здесь! Спасите, по-братски прошу!» Несколько дней в реанимации провалялся. Медсестра мне потом сказала: «На тебя Господь посмотрел». То есть – пожалел меня Всевышний. Я быстро встал на ноги, съездил к детям, к жене, они в Пицунде были, в эвакуации. И снова пошел воевать...

Давид махнул рукой, горько усмехнулся.

– Клянусь мамой, клянусь детьми, если хоть одно слово

---

² Ора – обращение к мужчине (абхазск.)

неправда. Но не люблю об этом вспоминать. – И перевел на меня взгляд. – Кушать хочешь? Сейчас в Гагре в пацху зайдем. Там хозяином мой друг Саид. Так пацха и называется: «У Саида».

– Пацха? – удивилась я. – Что-то вроде кафе?

– В пацхах раньше абхазы жили, – кивнул Давид. – Летом в ней хорошо, прохладно. А в городе это... Как лучше сказать? Кафе в национальном стиле. Нашу еду попробуешь: мамалыгу, сыр, копченое мясо, вина бокал выпьешь. Сразу усталость пройдет.

С воображением у меня все в порядке, и я сразу представила жилище, в котором мне придется жить у Вадима. Сооружение типа избушки на курьих ножках, где почти нет мебели, а на стенах – рога оленей, медвежьи шкуры, гирлянды красного перца, лука, чеснока и початков кукурузы. На земляном полу полыхает костер, над которым на вертеле жарится мясо или коптится сыр, или варятся в котлах мамалыга и фасоль. Во дворе бегают стайка детей за курами, а за стеной блеют козы, вздыхают коровы и гогочут гуси...

Впрочем, меня это не расстроило. Я согласилась бы жить в палатке, лишь бы меня оставили в покое, не докучали расспросами и вниманием.

По лицу Давида бродило мечтательное выражение. Видно, тема отдыха была его любимой. И он, улыбаясь, продолжал:

– Я люблю посидеть в пацхе с хорошими людьми, поговорить от души, забыть свое горе, рассказать свою радость, по-

слать две-три бутылки хорошим ребятам, выпить за друзей. Разве это плохо?

– Нет, конечно, – согласилась я. И, вспомнив вдруг Грузию, где любой прием пищи превращался в настоящий пир горой, с тостами, песнями, реками вина и горами угощения, неуверенно предложила: – Может, быстренько перекусим чем-нибудь? Уже стемнело, а нам еще неизвестно сколько добираться.

– Чего боишься? – удивился Давид. – Часом позже, часом раньше, все равно приедем. Мамой клянусь! Ночью даже лучше.

– С чего вдруг ночью? – поразилась я.

– Реку будем на машине переезжать. Ночью снег в горах плохо тает, воды меньше.

– Как же ночью мост снесло, если воды меньше? – продолжала допытываться я.

– Так буря была, ливень, вода поднялась метра на два. А мост старый, его в шестьдесят восьмом построили, вот и не выдержал, – терпеливо объяснил Давид.

Только тут я заметила, что домов по обеим сторонам дороги заметно прибавилось, появилось много красивых, добротных зданий, а справа потянулись пляжи и сплошная череда кафе и ресторанчиков. Жаль, но и здесь местами мелькали развалины, однако новых домов все-таки было больше.

– Это старая Гагра, – пояснил Давид. – Тут на горе в начале прошлого века принц Ольденбургский свой дворец вы-

строил. Сейчас не видно, темно. Но очень красивый дворец. Правда, разрушен немного. Но скоро все восстановим! – Давид покачал головой. – А недалеко гостиница «Гагрипш». Тоже из тех времен. В ней «Веселых ребят» снимали. В Абхазию до войны много киношников приезжало, и сейчас помаленьку снова стали снимать. Смотрела кино «Олимпус Инферно» о событиях в Южной Осетии?

– Смотрела, – кивнула я.

– У нас снимали, – с гордостью произнес Давид. – В Гудаутах и в Новом Афоне. А «Десантуру» видела? Там Сухум показали, обезьяний питомник...

– «Десантуру» не видела, – покаялась я.

– А в Пицунде «Тома Сойера» снимали. Режиссер Говорухин. Я с ним вот как с тобой рядом сидел, вино пил, мясо кушал.

– Надо же... – удивилась я. – Как-то не задумывалась раньше, где этот фильм снимали. Я его еще девчонкой смотрела. А недавно узнала: в нем мой любимый актер Влад Галкин играл Гекльберри Финна.

– Владик? – Давид покачал головой. – Как рано ушел! Как искра! Вспыхнул и сгорел!

– Работал человек на износ, а сорвался, сколько грязи на него вылили. А ведь до того случая на руках носили, залюбили просто. Но стоило попасть в беду, все разбежались.

– Попался бы мне тот ишак, что слухи нехорошие распускал! Клянусь мамой, в живом виде скушал бы! – Давид

яростно сплюнул в окно. – В шоу-бизнесе немало ишаков. Я их маму видал!

Некоторое время мы ехали молча. При воспоминании о Владе Галкине настроение испортилось. Я так рыдала, когда он умер... И мне так нравились его герои в кино: все, как на подбор, при погонах. А наяву я терпеть не могла военных. Вдоволь нажилась в военных городках, насмотрелась всякого, и даже в институт поступила, как образцовый солдат, по приказу отцов-командиров. Только в моем случае командирами были родители. Я пошла по маминым стопам. Окончила мединститут, отпахала три года врачом на «Скорой», успела в это время выйти замуж. И благо, что дела у Юры пошли в гору, я перебралась к нему в Москву и занялась наконец своим любимым делом – журналистикой, о которой мечтала с детства...

Я вздохнула. Нет, стоило немного устать, расслабиться, и мысли мгновенно устремились в старое русло. Опять вспомнился Юра, но как-то вяло, без особого трагизма... Вспомнился и вспомнился. Как один из этапов собственной жизни. Мысли о Владе Галкине меня растревожили сильнее.

Я посмотрела в окно. Машина мчалась сквозь сплошной зеленый коридор. Давид, видно, заметил мой взгляд и снова вошел в роль экскурсовода. Голос его звучал бодро, как у футбольного комментатора:

– Вон, видишь, фонтан и знаменитая колоннада. Самое красивое место в городе.

– Ой, – обрадовалась я, – их я в кино видела. «Зимний вечер в Гаграх» называется.

– Тоже у нас снимали, – с довольным видом улыбнулся Давид. – А там гора Мамдзышха, – махнул он рукой влево. – Говорят, на ней горнолыжный курорт будут строить, не хуже, чем в Красной Поляне. Ваш президент будет приезжать на лыжах кататься, мандарины кушать, вино пить.

– Вы прямо, как гид, так интересно рассказываете, – улыбнулась я.

– Я ж туристов на экскурсии вожу, – расплылся в ответной улыбке Давид. – Тех, кто к Вадику приезжают. – И продолжая правой рукой крутить баранку, он принялся загибать пальцы на левой руке. – Гагра и Мамдзышха, само собой, Рица, Гегский водопад, Ауадхара, – перехватив руль левой рукой, он перешел на пальцы правой, – озеро Мзы, Пицунда, Гудаута, Лыхны, Новый Афон, Сухум, храм в селе Бедия. Его в десятом веке построил царь Баграт Второй. Это на востоке Абхазии.

– А Члоу где расположено?

– Члоу ближе к Кодорскому ущелью. Сейчас у нас спокойно. В ущелье почти не осталось сванов, ушли недавно в Грузию. Так что опять все маршруты открыты. – Давид по-детски восторженно посмотрел на меня. – Чтoб я столько пальцев имел, сколько у нас интересных мест для отдыхающих! Абхазия – древняя страна. У нас есть что посмотреть. Вот ты знаешь, что Шерлок Холмс в кино дрался с профессором

не в Альпах, а возле нашего Гегского водопада?

Но я, сраженная наповал новой информацией, не успела и слова сказать в ответ. Давид привстал на сиденье и, продолжая крутить баранку, высунулся вдруг в окно и ликующе закричал:

– Ора, Саид! Хулыбзиа!³ Встречай гостей!

– Давид! Осторожнее! – вскрикнула я. – Зачем встаете?

– Обара! – удивился он. – Даже корова поднимается с места, когда другая подойдет к ней, а как же человеку не почтить человека вставанием? Тот, кто сидит на коне, должен привстать на стременах.

– Так вы ж не на коне! – огрызнулась я.

Но Давид или не захотел спорить, или элементарно меня не расслышал, потому что быстро крутил баранку, вырубивая на стоянку перед кафе.

Я увидела сверкавшую прямо-таки новогодними огнями вывеску. На ней кто-то неуверенной рукой вывел: «У Саида», а рядом нарисовал веселого горбоносого человека в поварском колпаке. А под вывеской стоял жгуче-усатый брюнет, точь-в-точь изображение над головой, и, распахнув объятия, радостно улыбался. В одной руке он держал бутылку с вином, в другой – хрустальный рог.

– Бзаала уабеит⁴, Давидик! – с важным видом произнес Саид и склонил голову в поклоне.

---

³ Добрый вечер! (абхазск.)

⁴ Добро пожаловать (абхазск.)

Мой спутник вышел из машины.

– Бзиа убеит!⁵ – сказал он и поднял руку на уровень груди, сжав при этом пальцы в кулак.

Я подумала, что так, наверное, давным-давно приветствовали друг друга воины, поднимая тяжелый меч или копье.

Друзья расцеловались.

– Как твои дела, дорогой? – вежливо справился мой водитель. – Как дети? Как Мзия? Не болеет? Я слышал, она ногу подвернула?

– Слава богу! – Саид поднял к небу бутылку и рог. – Все живы-здоровы! Мзия фасоль и кукурузу посадила...

И я поняла: часом тут не обойдется. Дай бог выбраться к утру.

---

⁵ Добро тебе видеть (*абхазск.*)

Глава 10

Я не ошиблась. В кафе мы сидели долго и основательно. Принесли сначала один ящик сухого вина, затем второй, потом третий... Время от времени к открытой веранде пацхи подъезжала машина или подходил человек, что-то говорил и ставил на пол несколько бутылок вина и уезжал.

– Все не могут здесь разместиться, – пояснил Давид. Видно, заметил, что я напугана количеством бутылок. – Поэтому посылают нам вино, чтоб мы хорошо провели время.

– Кто посылает? – не поняла я. – Зачем?

– Да все. Когда приносят, говорят от кого. Мои друзья, родственники, друзья Вадима. Ты ведь наша гостья, значит, и тебе приносят.

От обильной еды, выпитого коньяка я совсем ослабла и разговоры за столом воспринимала как гул пчелиного роя – монотонный и усыпляющий. Сонным взглядом я пыталась всмотреться в лица друзей Давида, понять, кто есть кто. Мне пришлось пережить церемонию знакомства, но я так и не запомнила, где тут Динарик, а где Астамур. А вот тот усач Датур или Нодар? Или, может, и вовсе Адгур?

Стол был заставлен блюдами. Глаза у меня разбегались от обилия еды. Одно мне не нравилось: что поначалу все пили только водку или коньяк. А как же то вино, что заняло целиком угол веранды? Неужели его тоже придется выпить?

Я спросила об этом Давида.

– Вино подадут позже, когда сварят мамалыгу, – ответил он и подлил мне коньяка. – Пей, дорогая, здесь нельзя отказываться.

– Женщине на Кавказе тоже не положено сидеть за столом в окружении мужчин, – парировала я.

Давид окинул меня насмешливым взглядом:

– Вот станешь женой абхаза, тогда и займешь место на женской стороне. А пока ты моя гостья, и получай уважение спокойно!

Коньяк пришлось выпить. И не раз, и не два! Я налегала на закуски, но алкоголь быстро проник в кровь. Захмелев, я воспринимала происходившее вокруг, будто картинки в «живом фонаре». Была у меня такая игрушка в детстве – подарок бабушки. Как она говорила: «Привет из девятнадцатого века».

Наконец подали горячую мамалыгу с копченым сыром, вареное мясо и вино. Теперь бразды правления взял в руки тамада – седой мужчина в полосатой майке, спортивных штанах и шлепанцах на босу ногу. Тосты следовали один за другим. Тосты за всех присутствующих, тосты самые приятные, хвалебные, доброжелательные.

Почему на Кавказе люди говорят за столом друг другу столько приятностей? У русских все проще. «Ваше здоровье!» или «Ну, за...» – и все. Видимо, это исторически сложившаяся традиция. Она родилась из склада жизни вечно

враждовавших и в то же время ненавидевших вражду людей, скорее всего, как следствие многовековой кровной мести. Попробуй сказать о человеке плохо, попробуй за столом покритиковать горца или намекнуть об его недостатках! Представляете, чем все закончится? Я не рискнула высказать эту мысль вслух, все равно бы никто со мной не согласился, зато обиделись бы все крепко.

По той же причине я решила не умничать. И первый бокал вина выпила целиком, но после только пригубливала. Давид посматривал на мою хитрость сквозь пальцы.

Мне очень хотелось выйти на улицу, подышать свежим воздухом. Пару раз это удалось. В небе, словно огни елочной гирлянды, перемигивались огромные мохнатые звезды. В кустах стрекотали цикады, мельтешили светлячки, где-то скрипуче и недовольно квакали лягушки. Я с большей радостью посидела бы на лавочке под старым платаном в компании рыжего кота, который разгуливал взад-вперед по перилам веранды, приняхиваясь к запахам застолья. Кроме того, я с беспокойством посматривала на «Ниву». Она находилась в пределах видимости, но за оградой пацхи. Я точно знала, что Давид не закрыл машину, вытащил лишь ключ из замка зажигания. Он, наверное, прочитал в моих глазах нечто, что заставило тут же его мамой поклясться, что воров здесь нет и в помине, все в округе знают его машину и подойдут исключительно для того, чтобы выказать свое уважение.

Однако уже стемнело, а в незапертой машине лежала сум-

ка с сотней тысяч баксов и кучей барахла, без которого современная женщина не проживет и трех дней. Еще я подумала, что мой водитель быстрее поймет намек, если я буду прогуливаться возле машины...

Но когда я спросила Давида, можно ли покинуть застолье, он ответил, что это невысказано. Мой необъяснимый уход до того, как были бы произнесены самые важные тосты, сочли бы просто-напросто за дурной тон, за неуважение к хозяину.

Я осталась. Прислонившись к стене веранды, постоянно косила глазом в сторону «Нивы», и в то же время умудрялась мило улыбаться и отвечать на вопросы, хотя не понимала, что можно уяснить из моих ответов в том гае, который царил за столом. Лица и обстановка вокруг сливались в одно слегка размытое разноцветное пятно. Все вокруг подернулось туманом, и пришлось прикладывать немалые усилия, чтобы глаза не закрылись сами собой. И чтобы не свалиться под стол.

Во время застолья мне раз десять пожелали счастья, радости, веселья, выпили за мои ум и красоту. Я улыбалась и благодарила. Но как же мне хотелось улечься прямо на полу, положить под голову скатанный ковер и заснуть! Причем заснула бы я так сладко и крепко, что даже залп сотни орудий не смог бы вырвать меня из блаженного забытья.

Я украдкой включила телефон, чтобы посмотреть, который час, и ужаснулась. Боже, скоро полночь! А нам еще пить и пить. И затем в темноте как-то форсировать реку.

Это испытание я представляла с трудом. Но если б я могла знать наперед, во что выльется переправа, то не щурилась бы сонно по сторонам, а хватала бы Давида за шиворот и силой тащила в машину. Эх, если бы...

– Встань! – тихо сказал Давид и поддержал меня за локоть. – Сейчас выпей обязательно. Тост за павших на войне.

Что ж, святое дело... Я осушила бокал и поняла: своим ходом до машины мне уже не добраться.

Я почти смирилась с мыслью, что Давид не расстанется с друзьями до утра, но он вдруг поднялся из-за стола, приложил руку к груди, раскланялся, расцеловался со всей честной компанией, а с хозяином – по-русски троекратно, и взял со стола барсетку с ключами от машины. Затаив дыхание, я ждала, не веря своим глазам.

– Оля, пошли!

Держась за стенку, я поднялась на ноги и покачнулась. Меня подхватили под руку. Шквал улыбок, рукопожатий, пожеланий счастья-радости-веселья вновь обрушился на мою голову. Я изо всех сил старалась не подавать виду, что больше всего на свете хочу быстрее выбраться на улицу в темноту и прохладу южной ночи и вскачь умчаться от этого гвалта, запахов и доброжелательных, но навязчивых мужчин.

Дальнейшее запомнилось слабо. С помощью Давида я благополучно добралась до машины. Правда, то и дело заваливалась на него, и он, добродушно ворча под нос, вновь приводил меня в вертикальное положение. В голове мельк-

нула мысль, что меня напоили специально. И где гарантия, что поутру я проснусь в доме Вадима, а не где-нибудь в зиндане у дикого горца, или хуже того – в турецком борделе?

Кажется, я заплакала, настолько мне стало жалко себя. Давид, подсаживая и впихивая меня в машину, пытался втолковать, что никого похищать не собирается, а выкуп он потребует с Вадима за то, что вовремя обнаружил пропажу. Я поняла, что пропажей мой спутник назвал меня, но не смогла возразить, потому что голова коснулась спинки сиденья. Я заснула мгновенно, ничуть не удивившись, каким образом Давид прочитал мои мысли о похищении.

А проснулась от сильного толчка. Резко качнулась вперед и едва не въехала головой в лобовое стекло. Свет фар, разрезая ночное пространство, выхватывал купы деревьев, чьи ветви смыкались над нашей головой. Я даже не поняла вначале, то ли мы едем сквозь лес, то ли дорога совсем узкая. Густая, словно чернила, темнота не позволяла оценить обстановку и понять, где мы находимся. Но если едем по бездорожью, значит, Члоу уже близко?

– С трассы съехали, – подтвердил мою догадку Давид. – Проснулась? Теперь держись руками и зубами. Дороги тут не слышали слова «асфальт».

Я вздохнула и двумя руками схватила за поручень, приваренный над бардачком, судя по всему, самым хозяином машины. И тут краем глаза заметила, как Давид вытащил из-под сиденья автомат и положил себе на колени.

– На всякий случай, – пояснил он. – Сваны ушли, а вот диверсанты с той стороны Ингура, бывает, приходят. Но ты не бойся. Ты – гостья Вадима, а значит, и моя гостья. Твоя обида – моя обида, и потому тебя никто не тронет. А вообще-то народ у нас хороший, и гостей мы любим. Раньше бывали разбойники, но теперь все спокойно...

Я зябко поежилась. Диверсанты, разбойники, засады, теракты, перестрелки... Не хватало попасть в военную сводку. «В перестрелке с грузинскими диверсантами погибла гражданка России...» Ой, оборвала я себя, еще накаркаю! Лучше так: «При захвате и обезвреживании грузинских диверсантов чудеса храбрости и смекалки проявила гражданка России...» Последнее мне понравилось больше, и на этой волне я предложила водителю:

– Давайте, подержу автомат. Он ведь мешает вести машину!

Давид покосился на меня.

– Оля, по нашим законам женщина оскверняет оружие, а оружие бесчестит женщину.

– Может, оружие позорит абхазскую женщину, а я тут при чем? – удивилась я. – Отец у меня был офицером. Командиром полка. Я стреляла из всего, что стреляет, даже из зенитки и крупнокалиберного пулемета. Давно, правда, но уж с автоматом разберусь, будьте спокойны.

– Не сердись, – блеснул в темноте белками глаз Давид. – По нашим обычаям, женщина может взять в руки оружие

только в одном случае – если в ее роду не осталось мужчин, которые могли бы защитить свой род или отомстить за пролитую кровь. Тогда женщина – герой, и наш народ славит ее в песнях и сказаниях.

– Ну, славить меня не надо, – буркнула я, – а в моем роду мужчин давно не осталось. Одни женщина. Я да старые тетушки. Так мы сами кого угодно защитим.

– Ладно, бери, только осторожно! – Давид одной рукой передвинул автомат ко мне на колени. – Он заряжен, но стоит на предохранителе.

– Хм, не «Калашников», – сказала я, проведя по нему рукой. – Иностраный, что ли?

– Зачем иностранный? – удивился Давид. И уточнил уважительно: – Это «Вал». Спецназовский. Знаешь, как в войну за ним гонялись! Я...

Он не закончил фразу – машина вдруг резко ухнула вниз. Я класнула зубами, прикусила язык и, забыв о приличиях, вскрикнула:

– Черт бы вас побрал! Полегче нельзя?

Давид, продолжая крутить баранку, высунулся в окно, пытаясь разглядеть, куда нас занесло. Но, видно, напрасно, потому что с досады ругнулся:

– Я твою маму видал! Откуда канава взялась?

И тут нас снова прилично трянуло. Капот машины ушел вниз, корма же рванулась вверх. От резкого толчка у меня перехватило дыхание. Я закашлялась. Но Давиду было не до

меня. Даже в жидких бликах от фар, освещавших крутой откос прямо по курсу, я заметила крупные капли пота у него на висках. Он что-то сердито бурчал, орудуя рычагами и педалями. И «Нива» не подвела. С натужным рыком, иногда буксуя, но машина поползла вверх и вскоре благополучно миновала совсем не шутейное препятствие. Я сложила пальцы крестом на удачу, а затем погладила холодный ствол автомата.

Дрожь пробежала по телу. Я действительно не раз держала в руках оружие, однако только сейчас поняла: если придется стрелять, то уже не по мишеням, а по живым людям. Не скажу, что подобная перспектива меня обрадовала, но точно не напугала. И хотя один автомат ничто против десятка стволов опытных диверсантов, я почувствовала себя уверенно и уже без опаски вглядывалась в ночную темноту.

– Друга моего из-за него убили. – Давид выбросил в окно окурок и потянул из пачки вторую сигарету. – Русским он был. Из Москвы. Стихи сочинял. Леша Гардарин. Может, слыхала?

– Гардарин? – Я поперхнулась от неожиданности.

Однажды, очень давно, когда я и Любава учились то ли в девятом, то ли в десятом классе, на вечеринке по случаю дня рождения ее брата Толика нас познакомили со странным парнем в мохнатой папахе и в настоящей черкеске с газырями. Кажется, именно он привез десятилитровую флягу вина и большую корзину с мандаринами. Помню, меня крайне

удивило и количество вина, и то, что мандарины не только новогоднее лакомство. Фамилия у него тоже была странная – Гардарин. Видно, поэтому я ее запомнила. Да, он читал стихи, пел песни под гитару. Мы с Любовой весь вечер пилились на него. Но его взгляд скользил поверх наших голов. Говорили, что он приехал с Кавказа. В каком же году это было? Лет двадцать назад. Получается, незадолго до войны... А еще он отлично танцевал лезгинку...

Но я не успела ничего сказать Давиду – видно, для него было не важно, знала ли я Лешу на самом деле.

– Мы еще до войны познакомились. – В голосе моего спутника звучала неподдельная горечь. – Он учился на переводчика с абхазского и часто приезжал в Абхазию. А когда началась война, пришел через перевал с добровольцами из Чечни, был в нашем диверсионном отряде, ходил к противнику в тыл. Все, кто с ним воевал, просто восхищались, говорили: он необыкновенный человек – совсем не знает страха!

– Его убили из-за автомата? – переспросила я. – Как это случилось?

– А, чеченец один, я его маму видал! Позарился на автомат, сын шакала! Только его кости мышам достались. Леша был мне как брат. Я как за брата и отомстил. Хотел отдать автомат Лешиной матери. Она приезжала за телом сына в Абхазию. Но ее в Россию с оружием не пропустили бы, вот и отдала его мне...

– Лешу в Москву увезли?

– Мы очень хотели похоронить его в Новом Афоне. Там он погиб. Но когда из Москвы приехали его родители, сначала не решались попросить об этом. А потом Вадим поговорил с ними, и те дали согласие, чтобы Леша остался в Абхазии. Он ее так любил! Вместе с матерью прошли по городу, выбрали место. В парке и похоронили его, бедного. Весь город проститься пришел. – Давид перекрестился. – Пусть земля под ним будет мягкой, а память о нем долгой!

«Ох, какая планета покатая... – вздохнула я про себя. – Все сползаем постепенно в одну кучу!» Двадцать лет прошло. Я и думать забыла о худеньком парнишке, который, играя на гитаре, так забавно шмыгал носом.

Я закрыла глаза и представила: деревянный крест и невысокий холмик, выложенный морской галькой. На него медленно и бесшумно, как шаги почетного караула, падают белые лепестки магнолий, а вокруг – радужный свет. Свет струится, мерцает. Я понимаю, такого не бывает, и все ж догадываюсь, откуда у русского хлопца абхазская грусть...

– По нашему обычаю, о погибших в бою не плачут. Оплакивают тех, кто умер тихой смертью, а о героях слагают песни и легенды, – ворвался в сознание голос Давида.

Я поняла, что засыпаю, и, с трудом разлепив веки, спросила:

– Вадим тоже воевал в Абхазии?

– Вадим? – переспросил Давид. – Нет, не воевал. Они с Лешей еще до войны в Москве познакомились. Но во время

боев был здесь, в составе группы русского спецназа, которая охраняла секретную лабораторию в Пицунде, оставшуюся со времен Союза. У него есть автоматный патрон, который ему подарил Леша. Это тоже обычай. Писали на патроне свое имя и менялись с другом или с братом. «Вернешь на Ингуре!» – так говорили. По реке Ингур сейчас граница с Грузией проходит. Много наших не дошли до Ингура...

Давид снова засмолил сигарету. И по тому, как тяжело он вздыхал, я поняла: растревожил себя человек, теперь долго не успокоится.

Устроившись удобнее на сиденье, я закрыла глаза, но какой уж тут сон, если машину подбрасывает на кочках, как теннисный мяч. А то вдруг она начинает переваливаться с боку на бок, точь-в-точь рыбацкий баркас на волне, или скользить, как лыжник, коньковым ходом.

Вдобавок пошел дождь. Мутные потоки побежали по стеклам. «Нива» в сотый раз, наверное, пошла юзом, а я снова схватилась за поручень. Нас развернуло поперек дороги... вернее, поперек того, что и в страшном сне не назовешь дорогой.

Давид ругался сквозь зубы, ожесточенно крутил баранку, давил на педали и дергал рычаги, пытаясь вызволить машину из огромной лужи, в которую мы сползли не по своей воле. «Нива» квохтала, как курица, – видно, вода попала в мотор, но наконец-то сердито взревела. Из-под колес веером вылетела грязь. По крыше, капоту, стеклам защелкали камни. А

к потокам дождя прибавились грязевые ручьи.

Тогда я не выдержала и спросила:

– Как здесь автобус ходит?

– Автобус? – покосился на меня Давид. – Мы едем по старой дороге, к броду. Слышала ведь, мост снесло.

– Вы мне не ответили. Как тут насчет автобуса? – допытывалась я.

– Автобус ходил через мост. Там дорога лучше. Асфальт даже сохранился, – спокойно пояснил Давид, хотя мог послать меня в известные края за то, что докучаю ему пустыми вопросами. Причем во время движения по пересеченной местности при почти полном отсутствии видимости.

– А... – снова открыла было я рот.

Но не успела спросить, как далеко еще до Члоу, потому что в свете фар проявились какие-то строения, вернее, вагончики, похожие на бытовки строителей. Рядом виднелся грузовик с будкой и ржавый остов «Скорой помощи». На таких машинах начиналась моя карьера врача. Впрочем, на них она и закончилась. Но тут я мигом забыла о прошлом. Настоящее предстало шлагбаумом, который преградил нам путь.

– Где мы? – с тревогой спросила я, разглядев двух людей в плащ-палатках и с автоматами на груди, направлявшихся к нашей машине.

– Здесь блокпост, – абсолютно спокойно ответил Давид. – В этот район и днем въезд по пропускам, а ночью – особенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.